

© 2011 г.

И.Ю. ВОРОНКОВА, В.И. КУЗЬМЕНКО (Белоруссия)

ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ И НАЧАЛО АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ В БЕЛОРУССИИ В 1941 году

22 июня 1941 г. немецкая группа армий “Центр” генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока нанесла удар по Западному фронту генерала армии Д.Г. Павлова, оборонявшему Белоруссию. Силы сторон были примерно равны по пехоте и авиации, противник имел превосходство в артиллерии в 1,2 раза, но уступал советской стороне по танкам в 2,7 раза; правда, 25 июня в распоряжение фон Бока была передана 3-я танковая группа¹. Из-за неготовности наших войск к отражению удара, недостаточной их подготовки, слабого взаимодействия, ошибок как фронтового, так и высшего командования неприятель сумел окружить советские армии под Белостоком и Минском. Столица Белоруссии пала после недолгой, но героической обороны уже 28 июня. Стойко держались защитники Брестской крепости. Однако общее положение было катастрофическим. Только за первые 18 дней боев Западный фронт потерял безвозвратно половину своей живой силы – 341 тыс. чел., а также 4799 танков, 1777 самолетов, 9427 орудий². Командующий фронтом генерал армии Д.Г. Павлов и его ближайшие помощники были преданы суду и расстреляны, однако это не изменило ситуацию. Но борьба продолжалась. Лишь в конце июля после упорной 23-дневной обороны пал Могилёв. Отдельные значения на территории республики длились до сентября. На три года Белоруссия оказалась под пятой оккупантов.

К сентябрю 1941 г. Белоруссия была захвачена немецко-фашистскими войсками. Гитлеровцы сразу же приступили к активному “освоению” оккупированных районов. В планы нацистов входило истребление и выселение коренного населения, “освобождение места” для колонистов из Германии, максимальное экономическое использование захваченных территорий, сельскохозяйственных и промышленных ресурсов.

О планах в отношении Белоруссии (наряду с другими регионами СССР) впервые Гитлер высказался в июле 1940 г. в кругу приближенных, говоря о военных намерениях против Советского Союза и о политических целях намеченной им войны. По мнению Гитлера, в случае победы над СССР, на его западных территориях можно было создать следующие государственные образования, зависимые от Германии – федерацию прибалтийских республик, Белоруссию и Украину³. В конце 1940 г. в одном из своих выступлений Гитлер очерчивал роль возможных “государств” как буферов третьего

Воронкова Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Беларуси.

Кузьменко Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Национальной Академии наук Беларуси.

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. М., 1998, с. 136.

² Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 163, 368.

³ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993, с. 37; Гісторыя Беларусі, т. 5. Мінск, 2006, с. 482.

рейха на востоке. Однако позже эти намерения были им пересмотрены. Речь шла о массовой немецкой колонизации предполагаемых к захвату территорий, перемещении немецкой этнической границы на тысячи километров на восток и установлении военной границы по Уральским горам. Политическое сотрудничество с населением покоряемых территорий руководство рейха отвергло. «Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужих войск... Железным законом должно быть: “Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев!”» – подчеркивал в июле 1941 г. Гитлер⁴.

ГИТЛЕРОВСКИЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Одной из важнейших задач, которые ставили перед собой фашисты, было управление оккупированными регионами. Ряд аспектов данного вопроса высшим нацистским руководством был рассмотрен еще до начала войны. Пристальное внимание этой проблеме уделялось и в ходе военных действий. 16 июля 1941 г. в ставке Гитлера состоялось совещание руководителей рейха, на котором система оккупационного режима на захваченной советской территории получила первоначальное практическое оформление. Гитлер подписал указы о гражданском управлении и полицейской охране оккупированных восточных областей, относящихся и к Белоруссии⁵. В соответствии с этими и иными документами, распоряжениями высшего руководства фашистского рейха, был создан рейхскомиссариат “Остланд” с центром в Риге, в состав которого, помимо Эстонии, Латвии и Литвы, в качестве генерального округа была включена и часть Белоруссии (примерно четвертая часть территории БССР с населением на конец 1941 г. свыше 3130 тыс. чел.). Остальная территория Белоруссии была распределена между рейхскомиссариатом “Украина”, Генеральным округом “Литва”, округом “Белосток”, включенным в состав Восточной Пруссии, и тыловым районом группы армий “Центр”.

Высшим органом управления на территории Генерального округа Белоруссия стал Генеральный комиссариат, который в сентябре 1941 г. возглавил генеральный комиссар В. Кубе. Генеральный комиссариат состоял из четырех главных отделов: политики, управления, хозяйства, транспорта. Главные отделы подразделялись на отделы по специализации. Например, главный отдел политики в 1941 г. состоял из трех отделов: политики, пропаганды, культуры. В 1942 г. в нем были организованы еще два: обеспечения и прессы. Были созданы также окружные (областные) и городские комиссариаты. К работе в комиссариатах привлекались только немецкие служащие. Исключением были местные переводчики и обслуживающий персонал⁶.

В контексте нашего исследования интересны высказывания об оккупационной администрации в Белоруссии самих немцев, в частности, генерального комиссара Белоруссии В. Кубе. Так, в выступлении на совещании высшего руководства Генерального округа “Белоруссия” в апреле 1943 г., вспоминая о начале деятельности здесь, он говорил: “Когда я приступил к исполнению своих обязанностей, то не знал этой территории. Когда 6 мая 1941 г. господин рейхсминистр возложил на меня полномочия в “Белоруссии”, я попросил его дать мне литературу об этой стране⁷. Я получил книгу... Автор не знал местных условий. То, что пишется в этой книге... основано на данных самой невежественной разведывательной службы, какую можно только себе представить. За время работы мы многое узнали. Большинство моих сотрудников с первых дней находятся здесь и установили контакт с народом... Однако в 1941 году в

⁴Преступные цели – преступные средства. М., 1985, с. 48.

⁵Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Минск, 2005, с. 97.

⁶Там же, с. 98.

⁷В. Кубе официально назначили в Белоруссию 17 июля 1941 г., но, как видим, этот вопрос был согласован с А. Розенбергом уже в мае 1941 г.

подготовке кадров была допущена ошибка. Говорилось: “Вы господа на Востоке!” Да, господа, которые никогда не ездили верхом, с хлыстом ходили по улицам и разыгрывали из себя господ! Кто поехал на Восток с такими представлениями, тот оказался не на месте”⁸.

Касаясь проблемы вспомогательных коллаборационистских органов управления в 1941 году, Юнгвирт, один из высших руководящих чиновников Генерального комиссариата “Белоруссия”, на вышеуказанном совещании отмечал: «В начале своей работы в “Белоруссии” гражданская администрация не обнаружила здесь местного управления. От советского периода остались только колхозные организации и отдельные старосты общин, так как все административные должности занимали сторонники Советов, сбежавшие из края при вступлении немецких войск. Военная администрация предприняла попытку восстановить районные управы и создала, кроме того, в Минске ведомство, соответствующее областной администрации... Но это не был работоспособный административный орган»⁹. Тем не менее вспомогательные коллаборационистские управленческие органы были созданы оккупационной немецкой администрацией в 1941 г. во всех регионах Белоруссии – городские, районные, волостные управы. Упомянутое Юнгвиртом “ведомство, соответствующее областной администрации”, являлось так называемым Наместничеством Минского округа (это была созданная вермахтом вспомогательная администрация Минского округа и Минска), существовавшим до осени 1941 г. В нем работало несколько известных белорусских националистов, давно сотрудничавших с германской стороной и прибывших из эмиграции с расчетом на создание коллаборационистского правительства (В. Тумаш, Р. Островский и др.).

От коллаборационистских органов требовали действовать под постоянным надзором немецких комендатур, гражданской оккупационной администрации и не иметь характер политических структур¹⁰. Отметим при этом, что в большинстве окружных и районных и даже волостных центров Западной Белоруссии в 1941 г. властные функции в коллаборационистском аппарате захватили поляки, во многих случаях знавшие немецкий язык и в целом более образованные по сравнению с коллаборационистами-белорусами. В 1942 г., стремясь ослабить польское влияние в Белоруссии, немецкая администрация и спецслужбы начали изгонять поляков из вспомогательных управленческих структур, заменяя их на белорусов.

Силовой основой оккупационного режима и давления на население являлись войска вермахта, дислоцировавшиеся в Белоруссии – охранные дивизии, подчиненные командующему тыловым районом группы немецких армий “Центр” М. Шенкендорфу. В 1941 г. на территории Белоруссии действовали 221-я, 286-я, 403-я, 707-я охранные, 339-я пехотная дивизии вермахта и другие его соединения. Кроме того, террор против населения и борьбу против зарождавшегося партизанского движения в Белоруссии вели войска СС и подчиненные им полицейские подразделения, тайная полевая полиция (ГФП), полиция безопасности и служба безопасности (СД). В первый год войны в Белоруссии действовали фашистские военно-полицейские силы общей численностью около 160 тыс. чел.¹¹

При этом гитлеровцы уже летом–осенью 1941 г. организовали и перебросили в районы Белоруссии несколько так называемых “украинских”, “восточных” коллаборационистских формирований и литовский полицейский батальон¹². Активно началась работа по созданию местной вспомогательной “полиции порядка” (“службы порядка”).

⁸ Стенограмма совещания высшего руководства генерального округа “Белоруссия” (Минск, 8–10 апреля 1943 года). Минск, 2006, с. 112, 109.

⁹ Стенограмма совещания..., с. 124.

¹⁰ Туронак Ю. Указ. соч., с. 49.

¹¹ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, т. 1. Минск, 1983, с. 173.

¹² Гісторыя Беларусі, т. 5. Минск, 2006, с. 486.

Один из докладчиков на совещании в Минске высших чинов фашистской гражданской администрации Генерального округа “Белоруссия” полковник полиции Г.Ф. Клепш 10 апреля 1943 г. так характеризовал начало организации подобных коллаборационистских вооруженных подразделений: «На территории “Белоруссии” местные силы охранной полиции были созданы после прихода немецкой армии летом 1941 г. командующим тыловым районом группы армий в виде так называемой службы порядка. Поводом к ее созданию послужило отсутствие местной полиции... В период нахождения “Белоруссии” в ведении военной администрации военными службами на местах – гарнизонными и полевыми комендатурами – служба порядка была постепенно организована и во многих сельских общинах... В Минске в июле 1941 года было сформировано отдельное подразделение службы порядка численностью 910 человек. Оно состояло из освобожденных военнопленных украинской национальности, которые были взяты из лагерей военнопленных в Минске и в его окрестностях... Такую обстановку застали здесь немецкие охранная полиция и жандармерия, когда они... летом 1941 года прибыли в “Белоруссию”... для создания здесь полиции охраны общественного порядка с привлечением местных сил. На 1 октября 1941 г. команда полиции в Минске приняла в городскую охранную полицию 380 человек, а подразделение полиции в Барановичах – 170 членов службы порядка. В жандармерии такой прием местных полицейских, естественно, длился дольше, так как одновременно происходила и организация жандармской службы. Всё же до 1 декабря 1941 г. части сельской охранной полиции приняли в свои ряды 3682 полицейских службы порядка»¹³.

Подразделения местной полиции создавались из расчета 1 полицейский на 300 горожан и 1 полицейский на 100 сельских жителей. Следует учитывать, что данные о численности полиции на декабрь 1941 г., приведенные в докладе Клепша, относятся только к территории генерального округа “Белоруссия”, занимавшего лишь около четверти территории довоенной БССР. По нашим предварительным подсчетам, по всей Белоруссии только в сельских полицейских отрядах на декабрь 1941 г. насчитывалось до 15–16 тыс. чел.

ГИТЛЕРОВСКАЯ КАРАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ “ПРИПЯТСКИЕ БОЛОТА”

На оккупированной белорусской земле уже во второй половине 1941 г. отчетливо проявилась нацистская политика геноцида. Такая политика в отношении народов СССР, в том числе и белорусского, руководством Германии планировалась еще до начала войны. Так, 30 марта 1941 г. на совещании высших чинов вермахта Гитлер заявил, что борьба против Советского Союза будет направлена “на [его] уничтожение, что это будет истребительная война в полном смысле этого слова”¹⁴, и назвал будущую войну на Востоке “борьбой между расами” и “борьбой идеологий”.

Наиболее отчетливое отражение человеконенавистнические замыслы нацистского руководства рейха нашли в так называемом генеральном плане “Ост”, разработанном в нескольких вариантах. По мнению ряда исследователей, исходный замысел плана “Ост” был очерчен в мае 1940 г. Первый вариант плана датируется июлем 1941 г. Имелись и последующие. Не забыта там и Белоруссия. Согласно первоначальным расчетам, от общего числа белорусов в постоянных местах проживания должно было остаться не более 25%. Они подлежали онемечиванию и использованию на самых низкоквалифицированных работах. Остальную часть белорусского населения планировалось частично истребить, частично переселить за сотни и тысячи километров. Люди других национальностей, жившие в Белоруссии, не могли рассчитывать и на это. В частности, евреи и цыгане подлежали поголовному истреблению. Задуманное гитлеровцы начали осуществлять с первых дней вторжения на белорусскую землю. Убийства людей приобрели массовый характер.

¹³ Стенограмма совещания..., с. 181–182.

¹⁴ Военно-исторический журнал, 1959, № 2, с. 82.

В июле – августе 1941 г. в ходе карательной операции “Припятские болота” (см. ниже) части СС и вермахта расстреляли и замучили около 14 тыс. чел., в августе 1941 г. в Богушевском районе – более 13,5 тыс. чел., в октябре 1941 г. специальные репрессивные подразделения фашистов – айнзацгруппа “Б” – уничтожила преимущественно в восточных районах Белоруссии свыше 37 тыс. чел., айнзацгруппа “А” в октябре 1941 г. – январе 1942 г. истребила на территории Белоруссии около 42 тыс. местных жителей и влившихся в состав населения советских военнослужащих, оказавшихся в окружении, бежавших из плена. По оценке белорусского демографа А.А. Ракова, в 1941 г. потери населения Белоруссии (в нынешних границах) от военных действий и террора оккупантов составили более 400 тыс. погибшими. В последнее время военные историки подвергли сомнению эту цифру и уточняют ее.

Источники сохранили многие подробности разнузданного поведения немецких военнослужащих в захваченных белорусских населенных пунктах с первых дней войны, вакханалии убийств и издевательств над людьми.

Лектор Брестского обкома КП(б)Б С.Н. Иоффе, которого война застала в Бресте, пробившись впоследствии на территорию, контролировавшуюся советскими войсками, свидетельствовал: «Солдаты расстреливали без всяких на это оснований. Так, был расстрелян 18-летний юноша..., живший по ул. Петровского, лишь за то, что он зашел в свой дом тогда, когда там немцы делали обыск (он об этом не знал). Еврей-старик был зарезан бритвой пьяного немецкого солдата лишь за то, что не желал отрезать бороду. Многие были расстреляны лишь за то, что, не понимая немецкой команды “халыг” (стой), продолжали идти своей дорогой. Особенно издеваются немецкие палачи над командирами и политработниками Красной Армии»¹⁵.

О зверствах и бесчинствах оккупантов на захваченной территории в первые недели войны красноречиво свидетельствует следующая выдержка из докладной записки первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко И.В. Сталину от 19 июля 1941 г.: “На занятой территории Белоруссии немцы начинают организованно грабить хлеб, скот и т.д. Керосин забирают чуть ли не из ламп. Всё шире становятся зверские расправы с населением. Насилия над женщинами приобретают неслыханный масштаб и проводятся организованно. В селе Ляды после разгрома лавок напившиеся офицеры потребовали, чтобы население предоставило в ближайший лес 18 девушек. Когда это не было выполнено, они забрали их сами, в том числе некоторых девочек в возрасте 13–14 лет, увели в лес, зверски изнасиловали и затем расстреляли. В Слуцке и некоторых других местах уже организованы концентрационные лагеря. За проволоку загоняют всех трудоспособных, кормят похлебкой из конины 1 раз в 2 дня, готовят для уборки урожая, дорожных и других работ. За малейшее проявление недовольства или отказ от выдачи коммунистов или партизан, не говоря уже о выступлениях крестьян против немцев, деревни сжигаются дотла. По линии Бреста уже работают филиалы гестапо, готовят списки для широких арестов. Оставшиеся семьи активистов и работников расстреливают прямо на улицах”¹⁶.

Одной из первых крупных карательных акций гитлеровцев в Белоруссии летом 1941 г. была операция, известная в научной литературе под названиями “Припятские болота”, “Припятский марш”. Эта широкомасштабная карательная акция фашистов, несмотря на то, что о ней международной общественности стало известно уже весной 1942 г., не получила достаточного освещения в трудах военных историков. Советским руководящим кругам, военному командованию о ней стало известно в январе–феврале 1942 г., когда в руки солдат Красной Армии попали трофейные документы кавалерийской бригады СС. Среди них оказались отчеты командиров полков этой бригады “О проведении усмирительной припятской операции...” По решению советского руководства с содержанием были ознакомлены послы и посланники стран, с которыми Советский Союз имел дипломатические отношения.

¹⁵ Национальный архив Республики Белоруссия (далее – НАРБ), ф. 4п, оп. 33а, д. 8, л. 29.

¹⁶ На земле Беларуси: канун и начало войны. М., 2006, с. 493.

Однако помимо указанных немецких документов в архивах об операции “Припятские болота” осталось совсем немного иных свидетельств. В связи с этим с целью сбора новых данных по бывшему маршруту фашистских карателей весной 2003 г. специально проехал известный белорусский военный историк А.М. Литвин. В беседах со свидетелями тех событий он постарался восполнить их сведениями отсутствующие в архивах документы. Поездка показала, что в исторической памяти населения тех мест, где проходила операция “Припятские болота”, данных о ней сохранилось больше, чем о других карательных операциях гитлеровцев 1943–1944 гг. Это и понятно. Первое впечатление всегда наиболее сильное. Тогда местные жители впервые столкнулись с открытым фашистским террором: убийствами, массовыми расстрелами, сожжением деревень.

В.С. Поссе и В.С. Лазебников указывают, что кодовое название “Припятские болота” носила карательная операция захватчиков против подразделений Красной Армии, попавших в окружение, партизан и местного населения на территории Брестской, Пинской, Полесской и Минской областей 19 июля – 31 августа 1941 г. и что она “осуществлялась в соответствии с распоряжением рейхсфюрера СС Г. Гиммлера кавалерийской бригадой СС, а также силами 162-й и 252-й пехотных дивизий... “Особый приказ” Гиммлера требовал от карателей уничтожить в районе Припятских болот деревни, где будет оказано сопротивление, расстреливать всех заподозренных в поддержке партизан, вывезти женщин и детей, конфисковать животных и продукты”. По данным на 13 августа 1941 г., в результате операции уничтожено 13 788 человек, перечислены сожженные в ходе операции деревни с числом истребленных в них людей¹⁷.

27 июля 1941 г. находившийся в Барановичах в особом поезде “Генрих” рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, утвердил формирование на базе двух кавалерийских полков кавалерийской бригады СС под командованием Г. Фегеляйна. Высшему начальнику СС и полиции при командующем группой армий “Центр” Э. фон дем Баху-Зелевскому было приказано представить хорошо продуманный в военном отношении план операции. В операции выделяется два этапа. На первом этапе (с 19 июля по 13 августа 1941 г.) основными силами проводилось очищение территории западной части Припятского Полесья. За указанный отрезок времени двумя неполными кавалерийскими полками кавалерийской бригады СС была охвачена территория Барановичского, Ляховичского, Ганцевичского, Коссовского, Ивацевичского, Пинского, Дрогичинского, Ивановского, Пружанского районов. Кроме того, передовой отряд бригады действовал совместно с 162-й пехотной дивизией в Стародорожском, Старобинском, Слуцком и Любанском районах. Всего, по данным отчетов бригады СС, за указанный отрезок времени было уничтожено 13 788 человек и взято в плен 718. Собственные потери карателей составили 2 человека убитыми и 15 ранеными, в том числе 2 командира тяжело (на наш взгляд, эти данные в отчетах явно занижены, приукрашены для вышестоящего начальства).

Вместе с преодолением сопротивления военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в окружении, первых местных партизанских отрядов и групп, истреблением советско-партийного и колхозного актива, карателями осуществлялось первичное, выборочное истребление захваченного еврейского населения. Так, все еврейские жители (около 1400 человек) были уничтожены фашистами к 3 августа 1941 г. в м. Мотоль Ивановского района. Гитлеровцы окружили местечко, а затем согнали на базарную площадь всех евреев. Мужчин отделили от стариков, женщин и детей. Мужчин объявили, что их направят на работу. Построив в колонну, их под конвоем повели в сторону д. Осовницы, где расстреляли у рвов. Жительница Мотоля О.В. Надольская видела, как по деревне гнали колонну евреев-мужчин. Они пели свои песни, плакали и кричали. Через некоторое время слышались выстрелы. Женщины и дети переноче-

¹⁷ Беларусь в Великой Отечественной войне. Минск, 1990, с. 510.

вали одну ночь, затем их расстреляли 3 августа 1941 г. в урочище Гай в 5 км восточнее Мотоля¹⁸.

В дер. Доброславка Пинского района Брестской области живут несколько свидетелей карательной экспедиции. Они рассказали об арестах местных советских активистов немцами в начале августа 1941 г. Их держали в сарае (сохранился). Выдал людей местный староста, который после войны жил и умер в Австралии. Расстрел был произведен на церковный праздник св. Ильи за деревней. Убитых (6 человек) затем похоронили родственники¹⁹.

Второй этап операции “Припятские болота” проходил с 14 по 29 августа 1941 г. Он начался с исходной линии: железная дорога Барановичи – Лунинец и далее на восток с очищением от “противника” правого и левого берега Припяти. Сохранился отчет кавалерийской бригады СС от 29 августа 1941 г. о боевых действиях 2-го кавалерийского полка СС в районе Турова 21 августа. Помимо прочего в нем упоминается о том, что разведывод производил обыски в д. Запесочье и Турове, по ходу следования “уничтожил примерно 100 человек большевиков и часть домов поджег”. Из отчета видно, что фашисты сожгли дер. Дворец, Хочень, Озераны и Сторожевцы. Потери гитлеровцев в отчете снова представлены минимальными (это говорит о том, что им в основном пришлось иметь дело с мирными, невооруженными жителями): 4 человека убитыми, 14 легко и 5 тяжелоранеными, из которых 2 умерли. Начальству Фегеляйн доложил при этом, что потери противной стороны составили 600–700 человек убитыми и 10 пленными.²⁰

Чудовищным было отношение фашистов к советским военнопленным. Загнав в специально созданные лагеря, их целенаправленно там уничтожали посредством расстрелов, голода и холода. Подлинным адом был лагерь № 352 для военнопленных, организованный под Минском, недалеко от дер. Масюковщина и имевший филиалы по всей Белоруссии. Жить узникам приходилось в полуразрушенных, насквозь продуваемых сараях, при жутком “питании”, с использованием на самых грязных и изнурительных работах. Угроза оружием и издевательств со стороны охраны были постоянным уделом всех узников. От непосильного труда и тяжелого режима, по свидетельству одного из очевидцев, “люди сходили с ума, бросались на проволоку, шли на ура в атаку, считая, что они могут таким образом уйти из лагеря”²¹. И тут же расстреливались охраной лагеря.

Летом 1941 г. был создан концлагерь на территории Бобруйской крепости. К концу 1941 г. в нем находилось около 60 тыс. военнопленных и гражданских лиц, из них около 20 тыс. содержались вне помещений. От эпидемии сыпного тифа и других болезней в октябре – ноябре 1941 г. в лагере умирало в сутки 600–800 человек, в наступившие зимние месяцы – до 1 тыс. Тяжелобольных гитлеровцы нередко приказывали хоронить вместе с мертвыми. 7 ноября 1941 г. в результате фашистской провокации (поджога одного из зданий) было сожжено и расстреляно свыше 4 тыс. узников. В декабре 1941 г. 3200 полураздетых пленных гитлеровцы погрузили в товарные вагоны и открытые железнодорожные платформы для отправки в сторону Минска. По дороге все эти люди замерзли.

В 1941 г. лагеря для военнопленных и мирного населения функционировали и во многих иных местах – Полоцке, Глубоком, Могилёве, Слуцке, Молодечно и других населенных пунктах. В них страдали и уничтожались врагом десятки тысяч людей.

¹⁸ Материалы экспедиции А.М. Литвина. 2003 г. Архив автора.

¹⁹ Литвин А.М. “Припятские болота” (PRIPIATSEE) – первая крупная карательная акция СС на территории Беларуси и Украины: новые свидетельства. – Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2003, с. 125.

²⁰ НАРБ. МФ. 264.

²¹ Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.). Минск, 1947, с. 351.

Только в июле – сентябре 1941 г. в концлагере Дрозды около Минска было истреблено свыше 10 тыс. чел.

Условия содержания, страшного, безысходного, голодного существования пленных в лагерях были настолько жуткими, что в ряде случаев дело доходило до каннибализма обезумевших людей. Первый секретарь Минского обкома комсомола А.Н. Мальчевский, в августе 1941 г. направленный в тыл врага для организации молодежного подполья и в августе 1942 г. вышедший через линию фронта на советскую территорию, в своей докладной сообщал: «В организованном немцами лагере в Глубоком было сосредоточено более 30 тыс. человек. При такой массе сбитых в одну кучу на небольшой площадке людей слабеющие пленные не могли получить и те положенные 150 грамм[ов] “хлеба”, ибо до их рук этот “хлеб” уже не доходил. Вот как вспоминали пленные, бежавшие оттуда, об этом лагере: как только начинает светать, уже видишь, как люди пробираются к местам, где складывались трупы умерших. С них стаскивают одежду, после чего начинают отрезать мясо, которое прожигают на огне и съедают»²².

В докладной записке в ЦК КП(б)Б от 2 марта 1942 г. бывшего председателя Росонского райисполкома Витебской области Е.П. Василевича также обрисованы подобные факты, касающиеся концлагерей на территории Витебской области: “В лагерях неоднократно были случаи, когда пленные ели самих пленных. При таких обстоятельствах часовые доставали у мертвых печенку и продавали пленным. Бывали случаи, когда у мертвого пленного вырезали мышцы и тоже ели”²³.

Преступное, воистину зверское отношение вермахта и войск СС к советским военнопленным отмечено не только исследователями СССР и БССР, в белорусской постсоветской, но и современной немецкой историографии. В частности, Х. Герлах отмечает, что белорусские регионы стали “центром массового уничтожения пленных с конца 1941 г.” Он подчеркивает, что в 1941 г. основной причиной массовой смертности военнопленных являлся преступный экономический расчет германской стороны: истребляя пленных голодом, сохранить продукты питания для вермахта.

По данным Х. Герлаха, прямое указание об истреблении советских военнопленных и, прежде всего, не используемых в качестве рабочей силы, дал генерал Э. Вагнер на совещании высоких немецких чинов в Орше 13 ноября 1941 г., заявив об “уничтожении неработоспособных военнопленных в лагерях с помощью голода”²⁴. К февралю 1942 г. жертвами такого обращения стало свыше 70% всех военнопленных, попавших в руки к немцам на центральном направлении операции вторжения по плану “Барбаросса”²⁵.

ГИТЛЕРОВСКИЙ ГЕНОЦИД В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ

Страшная участь постигла еврейское население Белоруссии. Нацистская политика геноцида, Холокост, обрушились на него с первых дней вторжения на белорусскую землю немецко-фашистских войск.

Исследователи выявили несколько периодов широкомасштабного уничтожения евреев на оккупированных немецко-фашистскими войсками советских территориях²⁶.

Первый этап – с начала Великой Отечественной войны до начала 1942 г., до принятия “окончательного решения еврейского вопроса” на так называемой Ванзейской

²² НАРБ, Ф. 4, оп. 33а, д. 306, л. 220.

²³ Там же, л. 91.

²⁴ *Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschaftspolitik und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999, S. 801.*

²⁵ 1941 год: трагедия, героизм, память. Брест, 2007, с. 91.

²⁶ См., например: Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. документов и материалов. Иерусалим, 1992.

конференции. В это время осуществлялась концентрация еврейского населения в гетто, было уничтожено большинство евреев в восточных областях Белоруссии²⁷, выборочно истреблялись группы лиц еврейской национальности на остальной территории.

В Бресте первые единичные убийства евреев начались ворвавшимися в город гитлеровцами уже 22 июня 1941 г. Через несколько дней они стали массовыми. Вот что вспоминает один из очевидцев, О.М. Зисман: “В начале июля 1941 г. немцы забирали евреев на работу, а в действительности они загнали пойманных евреев в Брестскую крепость, держали их там в ужасных условиях, – в июльскую жару людям пять дней не давали ни воды, ни хлеба, – всех до одного расстреляли. Один еврей спасся и рассказывал, что когда он выбрался из могилы, там еще оставалось много живых и полуживых людей, так как только первые ряды получили пули. В то время, когда немцы начали засыпать могилы землей и горячей известью, многие были еще живы”²⁸.

Летом 1941 г. в Бресте было убито около 5 тысяч евреев, в Барановичах – свыше 400, в Слониме – около 1100, в Лиде – более 4 тысяч, в Пинске – около 4500, в Ивенце – свыше 1 тысячи, в Телеханах – около 1200²⁹.

Широко известна трагедия самого крупного места принудительной концентрации белорусских евреев периода фашистской оккупации – Минского гетто. В июле 1941 г. в нем насчитывалось около 80 тыс. чел. С ноября 1941 г. в Минск начали прибывать эшелоны с немецкими евреями из Германии, Вены и Брно. К февралю 1942 г. в Минском гетто осталось около 25 тыс. чел. (из них примерно 18 тыс. местных евреев и около 7 тыс. депортированных). Остальные были истреблены³⁰.

Из показаний участников минского подполья Р.М. Бромберга и Е.П. Майзельс, данных советским спецслужбам в д. Хворостьево Калининской области после выхода в советский тыл через так называемые “Суражские ворота” (разрыв в линии фронта) в 1942 г. По словам Р. М. Бромберга, “После первого погрома в Минском гетто 7–8 ноября 1941 г. евреев привезли на машинах во двор бывшей колонии НКВД по улице Танковой, за железнодорожным переездом. Там их держали сутки под навесом, затем приказали снять с себя одежду, подвели к краю вырытых ям и расстреляли. Немцы и финны ломали детям хребет и бросали в яму, а многих бросали живыми”³¹.

«Евреев привели к краю вырытых ям. Выстроили в шеренгу 1-ю роту украинского батальона “СС полиции”, которая стояла в казармах 38-го кавполка по ул. Широкой, и приказали открыть огонь. Первый раз не выстрелили, второй раз было 2–3 выстрела в воздух. После этого украинцев отвели, привезли спирт, напоили, вновь выстроили, а за их спинами встали немецкие автоматчики. Тогда только украинцы начали стрелять»³².

В Минске были случаи повешения. На груди повешенных были таблички с надписью “Мы партизаны, стрелявшие по немецким солдатам”. Были повешенные на воротах дрожжевого завода, на Суражском рынке, в сквере около драматического театра, около управы (на ул. К. Маркса. – *Авт.*). Все дороги из Минска и в Минск были усеяны повешенными с этими табличками. Я сомневаюсь, что всё это были партизаны. Когда на улице Ворошилова подорвали склад, немцы хватали первых попавшихся и вешали с этими же табличками...

²⁷ В частности, по предварительным, полученным сразу после войны данным, в Гомеле в 1941 г. погибло около 4 тыс. евреев, в Рогачёве – около 3,5 тыс., в Речице – около 3 тыс., в Жлобине – свыше 1 тыс. (НАРБ, Ф. 372, оп. 1, д. 22, л. 15).

²⁸ Цит. по: *Иоффе Э.Г.* Холокост на территории Беларуси в начальный период Великой Отечественной войны. – Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Мінск, 2005, с. 42.

²⁹ Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Мінск, 2005, с. 42.

³⁰ Белоруссия в годы Великой Отечественной войны..., с. 160.

³¹ НАРБ, ф. 3500, оп. 11а, д. 8, л. 6.

³² Там же, д. 9, л. 12об.

В последнее время часты случаи расстрелов. Расстреливают обычно за “выставкой” в лесу (имелся в виду парк им. Челюскинцев, в районе которого в предвоенные годы размещалась выставка достижений народного хозяйства. – *Авт.*) Там разгружали тюрьму”³³.

А вот что рассказывает Е.П. Майзельс: “Одна массовая казнь через повешение в г. Минске произошла в середине октября 1941 г., было повешено 63 человека. Имеются факты, когда немцы арестовали нескольких девушек за то, что застали их дома без лат, предназначенных для еврейского населения, затем они были повешены. На виселице была надпись “Мы повешены за связь с партизанами”. Виселицы были установлены: одна в сквере у театра, вторая в сквере площади Свободы, третья на Комаровке, четвертая на Ляховке, пятая около Университетского городка. Каждая виселица была рассчитана на 3 человека”³⁴.

Из еврейской рабочей силы до ее уничтожения гитлеровцы стремились выжать всё возможное, изучая настроянность и поведение людей в созданных гетто. Аналитики из нацистских спецслужб сообщали вышестоящему начальству: “Русские евреи упрямые натуры, не желают работать, немецкие евреи в Минске проявляют сейчас большое усердие в работе, которое объясняется тем, что они верят, что после победоносного окончания войны будут снова возвращены в старую Германию. Это у них связано с борьбой за существование. Эту веру у них необходимо поддерживать, потому что таким образом можно из них выжать большую производительность труда”.

О цинично-изощренных, продуманных методах использования трудовых возможностей обитателей гетто, об отношении фашистов к этой части населения Белоруссии свидетельствует следующая выдержка из немецкого документа периода оккупации: “Предпосылкой для активного использования еврейской рабочей силы в военной экономике является казарменное содержание евреев в гетто, которые являются не только местом жительства евреев, но и работы. Превращение гетто в место жительства и труда дает следующие экономические выгоды: 1) отпадает необходимость доставки евреев к месту работы; 2) работу легче контролировать; 3) рабочий день ежедневно может быть увеличен не менее чем на 2 часа. Для увеличения производительности труда евреев продовольствие должно выдаваться соответственно произведенной работе. Лица, перевыполняющие установленные нормы, обеспечиваются дополнительным питанием. Однако взаимосвязь получаемого продовольственного рациона с произведенным продуктом должна распространяться не на отдельных лиц, а полностью на весь коллектив гетто. Это заставит весь коллектив быть вынужденно заинтересованным в лучшей работе каждого, заставит их строго соблюдать дисциплину труда, ибо каждое нарушение трудовой дисциплины приведет к подрыву продовольственного положения всего коллектива... Денежная оплата труда евреев запрещается. Труд евреев компенсируется выдачей им продовольствия, предметов первой необходимости... Так как условия в Минске не позволяют разместить крупные предприятия в гетто, то следует дополнительными мерами попытаться повысить интенсивность использования еврейской рабочей силы. Такими мерами являются:

а) передача целых групп евреев промышленным предприятиям, которые... обору-
дуют собственные гетто для этих евреев... б) в самом гетто создавать только такие
предприятия, которые без больших затрат можно разместить в непригодных для жи-
лья помещениях. Особое внимание обратить на то, чтобы в гетто выполнялись пре-
имущественно заказы вермахта. Заказы вермахта предполагают гарантию некоторого
постоянства, они вырабатывают у евреев чувство личной безопасности, а тем самым
повышают желание к труду и способствуют усиленному использованию еврейской
рабочей силы для прямых военных нужд”³⁵.

³³ Там же, д. 8, л. 13об.

³⁴ НАРБ, ф. 3500, оп. 11а, д. 8, л. 44об.

³⁵ Там же, ф. 510, оп. 1, д. 45, л. 82–84.

МАССОВОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ БОЛЬНЫХ И РАНЕННЫХ

Согласно расистской идеологии нацистов, люди, имевшие физические недостатки, а также страдавшие психическими заболеваниями, должны были уничтожаться за невозможностью их практического использования в различных сферах деятельности. Нацисты претворяли этот бесчеловечный принцип в жизнь как на территории Германии, так и в оккупированных странах.

На территории Белоруссии уничтожение вышеуказанных категорий людей в основном завершилось до конца 1941 г. Первая акция была проведена уже в июле 1941 г., когда по инициативе санитарного отдела полевой комендатуры Белостока военнослужащие вермахта вывезли на грузовых машинах 464 больных из психиатрической клиники в Хороше (ныне в Польше. – *Авт.*) и расстреляли их из пулеметов. Свидетелем этой акции являлся врач клиники Р. Маркушевич.

Во второй половине дня 15 августа 1941 г. прибывший в Минск Г. Гиммлер посетил психиатрическую больницу “Новинки”, находившуюся тогда в 6 км от города. Она располагалась на территории бывшего колхоза, хозяйство которого использовалось службой СС и полиции. После посещения больницы Г. Гиммлер приказал командиру айнзацгруппы-Б А. Небе “решить вопрос” с больными, однако какими-либо другими методами, нежели расстрел. В начале сентября того же года в “Новинки” прибыл Генеральный комиссар Белоруссии В. Кубе вместе с руководителем отдела здравоохранения Генерального комиссариата доктором Х.-В. Вебером, которые подтвердили приказ Г. Гиммлера. После их визита, с 16 по 18 сентября штаб-лекарь 184-й полевой комендатуры доктор Эллингауз и жандармский офицер Воленбах уничтожили около 120 больных газом в помещении бани, а 19 сентября – еще 80 больных, а пациентов-евреев расстреляли. Некоторых больных А. Небе и доктор Видман из Технико-криминалистического института в Берлине использовали в качестве объектов при проведении пиротехнических экспериментов. 92 больным на время сохранили жизнь для “трудотерапии” во благо немцев. В конце октября 1941 г. в клинике разместился жандармский пост, а 5 ноября все оставшиеся там больные были расстреляны жандармами.

Факты уничтожения больных газом и взрывчатыми веществами засвидетельствованы санитаркой 2-й Советской больницы В.Ф. Бутвиловской. По ее данным, в конце июля 1941 г. больных из 6-го (психиатрического) отделения этой больницы вывозили в Комаровский лес, Новинки и Колодищи. Одну из поездок она сопровождала лично. Около 20 больных привезли на машине в Комаровский лес, завели в землянку и посадили на землю. Дальнейшее Бутвиловская узнала от знакомого санитаря, который рассказал, что землянку вместе с больными немцы взорвали. В конце 1941 г. Бутвиловская ездила в больницу “Новинки” для получения продуктов, при этом случайно увидела в помещении бани много трупов погибших больных.³⁶

Медсестра Е.Т. Королёва, работавшая в психиатрическом отделении той же 2-й больницы, свидетельствовала, что в сентябре 1941 г. туда приехал немецкий врач Вебер, который приказал снабдить всех психических больных чистым бельем и погрузить в машины для отправки в Могилёв. Из больницы выехали около 500 человек в сопровождении медсестер. Позже вернувшиеся сестры сообщили, что всех больных расстреляли в Тростенце³⁷.

Уничтожение оккупантами больных в несколько этапов, когда вначале избавлялись от тех, кто не мог работать, было характерно и для других регионов Белоруссии, например, так произошло в психиатрической больнице Могилёва. Первые акции уничтожения, осуществленные по приказу командира айнзацкоманды-8 полиции безопасности и СД доктора Брандфиса, еще маскировались: главный переводчик команды хауптштурмфюрер СС А. Приб объяснил персоналу больницы, что пациентов эвакуи-

³⁶ Там же, ф. 845, оп. 1, д. 63, л. 25.

³⁷ Там же, л. 17–18.

ровали в Германию. До 17 сентября, в течение двух-трех дней было уничтожено газом около 800 хронических больных могилёвской клиники, а также около 60 пациентов-евреев. Остальные были обречены, поскольку практически лишены продуктов питания. В дальнейшем, между 28 ноября 1941 г. и второй половиной января 1942 г., более 250 пациентов уничтожили в машинах-“душегубках”. Согласно заключению Белорусской республиканской комиссии содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в Могилёве и его окрестностях (документ датирован 5 сентября 1944 г.) в сентябре 1941 г., на первом этаже психиатрической больницы гитлеровцами была оборудована комната-“душегубка”. В окно были проведены газоотводные шланги от автомобиля, была оборудована герметически закрывающаяся дверь, в помещение полностью перекрыли доступ воздуха. Сюда загоняли по 70–80 больных, затем подавали выхлопные газы от работающей автомашины. Тела погибших вывозили грузовиками в район близлежащих деревень Казимировка и Новопашково, где закапывали в противотанковых рвах. Избежавших смерти от газа около 500 пациентов клиники фашисты забросали гранатами, а выживших расстреляли. Всего в Могилёвской психиатрической больнице гитлеровцами было истреблено около 1200 человек. В освободившихся помещениях, где до своей гибели жили беспомощные люди, был обустроен немецкий военный госпиталь. В 2008 г. по совместной инициативе немецкой университетской психиатрической клиники в г. Хайдельберг и Могилёвского облисполкома принято решение максимально полно установить имена и фамилии погибших больных, подготовить соответствующие справочные материалы, установить на месте трагедии барельеф “В память о загубленных душах”³⁸.

На совести оккупантов лежит и уничтожение детей, содержавшихся в детской психиатрической больнице в Червене. Местная оккупационная власть сетовала, что из 144 пациентов лишь 60 более или менее пригодны для какой-либо работы, при этом весьма дорого обходится содержание больницы. В результате судьба маленьких пациентов доподлинно неизвестна, однако нет сомнений в том, что их постигла участь взрослых.

В ряде случаев уничтожению подвергались инфекционные больные. Так произошло, например, в минской тюрьме, где в начале 1942 г. были расстреляны или уничтожены инъекциями ядом больные тифом. Зимой 1941–1942 гг. расстреляли 22 больных туберкулезом, находившихся на излечении в минской инфекционной больнице, инфекционных больных брестской больницы и больницы под Слонимом. В Логишинском районе жандармы выгнали больных из здания больницы на улицу, где их убили. Бойцы 91-го резервного полицейского батальона зимой 1941–1942 гг. расстреляли душевнобольных и “асоциальных элементов” в районе Волковыска, а также от 50 до 60 обитателей дома престарелых в Гродно. Был также уничтожен дом престарелых в Могилёве³⁹.

УЧАСТИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНISTОВ В ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ФАШИСТОВ НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Уже в 1941 – начале 1942 г. в Белоруссии сформировалась активная коллаборация. Вместе с деятелями белорусской эмиграции, имевшими давние счеты с большевизмом, некоторая (пусть и небольшая) часть населения, преследуя свои цели, пошла на службу захватчикам.

Согласно хранящейся в НАРБ докладной записке МВД БССР в ЦК КП(б)Б, к концу 1948 г. на территории Белоруссии было выявлено бывших полицейских, бургомистров и других немецких пособников 101 тыс. чел. По оценке П.К. Пономаренко (октябрь

³⁸ СБ. Беларусь сегодня. 22.IV.2008; 28.X. 2008.

³⁹ Gerlach Ch. Op. cit., S. 1067–1074.

1944 г.) около 20 тыс. коллаборационистов отступили вместе с гитлеровцами, ушли на Запад⁴⁰, где многие оказались в войсках СС⁴¹.

В советское время военно-политическая деятельность многих из них четко квалифицировалась как соучастие в нацистских преступлениях. Известная книга видного белорусского историка этого периода В.Ф. Романовского так и называлась: “Саўдзельнікі ў злачынствах” (Мн., 1964). Однако в 90-х годах XX в. были сделаны попытки пересмотра оценок, кое-кого из политической белорусской коллаборации стали изображать чуть ли не национальными героями, боровшимися против сталинизма, за “независимое белорусское государство”. При этом не учитывается, что коллаборационисты, сделавшие ставку на фашистскую Германию в случае ее победы в войне могли рассчитывать самое большее на создание некоего подобия марионеточного национального государственного образования в составе нацистской “новой Европы”.

Однако и до этого дело не дошло. На практике коллаборационистам довелось стать всего лишь прислужниками гитлеровцев, в том числе при совершении массовых преступлений. Представители верхушки коллаборации своими руками не убивали и не жгли, однако они благословляли коллаборационистских исполнителей среднего и низового уровня на убийства, истребление неугодных, политических противников, ибо происходила фашизация активной части коллаборационистов. Немалое число коллаборационистских деятелей, теоретиков, пропагандистов тесно смыкалось с нацизмом. В коллаборационистской прессе 1941–1942 гг. открыто высказывались мнения о том, что идеологическим фундаментом консолидации белорусов должен стать национал-социализм. Многие в коллаборации, чтобы угодить гитлеровцам, стали на позиции крайнего антисемитизма в своей пропаганде, которая велась посредством печати, радио, устными методами, оправдывали уничтожение еврейского населения.

В низовой же коллаборации, среди исполнителей, многие оказались непосредственно запятнаны кровью. “Их не приходилось искать, эта сволочь сама потянулась к гитлеровцам. Чутьем уголовников они открыли в них родственную душу”⁴². Примерно так характеризовал коллаборационистов, взявшихся за оружие, и командир Барановичского партизанского соединения, Герой Советского Союза В.Е. Чернышёв. Свою партизанскую деятельность он начал летом 1941 г. в Витебской области, возглавив отряд. Вот что он писал об этом регионе в феврале 1942 г.: “Во многих деревнях, в почти каждой волости имеется полиция... по несколько десятков человек. Они ведут борьбу с партизанами, грабят население... Эта сволочь на оккупированной территории опаснее немцев. Немцы одни в лес не идут, эти гады идут всюду, куда посылают их хозяева – фашисты. Маленьким партизанским группам здесь делать нечего, они быстро вылавливаются и уничтожаются”⁴³.

Под командованием немцев местные полицейские принимали активное участие в преследовании и уничтожении первых белорусских партизанских отрядов и групп, разгроме их баз, в репрессиях против различных слоев населения. Не отрицается активное участие полиции, коллаборационистских вооруженных формирований в борьбе против подпольщиков, партизан, населения партизанских зон и в литературе национал-радикальной направленности, вышедшей в Белоруссии и за рубежом в 90-е годы XX в. и в начале XXI столетия, в том числе и в воспоминаниях самих белорусских коллаборационистов, которые оправдывают свои действия борьбой против большевизма. Большое число убитых, замученных людей в итоге осталось на совести как немецких фашистов, так и их местных пособников.

Активным было участие коллаборационистов в уничтожении еврейского населения. Об этом свидетельствуют материалы Чрезвычайной государственной комиссии

⁴⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 47, д. 19, л. 10, 238.

⁴¹ Звязда. 27.I.1994; Рэспубліка. 26.VI.1993; Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння. Мінск, 1993, с. 332–333, 336.

⁴² Правда. 19.VII.1943.

⁴³ НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 306, л. 29.

по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников, архивные документы, воспоминания.

В 1982 г. в Нью-Йорке была опубликована книга бывшего сотрудника отдела специальных расследований министерства юстиции США Дж. Лофтуса «Секрет бригады “Беларусь”». В ней среди прочего говорится: “Помощь коллаборационистов была неоценимой в определении евреев. Они знали акцент и физические характеристики, которые отличали белорусского еврея от нееврея. Именно они служили нацистам для проведения в жизнь расистских законов... Один и тот же сценарий проигрывался в каждом городе Белоруссии. Евреев выявляли коллаборационисты и загоняли в гетто, где, чтобы не допустить возможности восстания, образованных лидеров отмечали для устранения в первую очередь”⁴⁴.

Известны страшные подробности участия коллаборационистов в уничтожении еврейского населения ряда населенных пунктов Белоруссии. В частности, в октябре 1941 г. в Борисове, полиция которого согласно последним опубликованным данным, в большинстве своем состояла из местных жителей города и прилегающего района⁴⁵. Вот показания советских подпольщиков по этому делу: «Евреев в Борисове расстреляли около 10 тысяч человек. Расстреливали белорусские полицейские, а немцы, которых было не больше 30 человек, только наблюдали и распоряжались, и позднее, когда им говорили об этой зверской расправе, так они отвечали, что “расстреляли не мы, а ваши белорусские полицейские”... Борисовская полиция особенно отличилась своим зверством, так что в те районы, где полицейские отказывались расстреливать евреев, туда возили борисовских. Например, в Минск, Смолевичи, в Зембин и другие места»⁴⁶.

Участие местной полиции в подобных акциях зафиксировано и в иных населенных пунктах. Такие факты побудили даже коллаборационистскую “Беларускую газету” в начале 1942 г. выразить некоторое недоумение: “Откуда взялось такое озверение некоторых наших полицейских, неизвестно. Белорусы в натуре очень добрые, имеют мягкий характер”⁴⁷.

Зверствовали в 1941 г. на белорусской земле и литовские коллаборационисты. Так, литовский полицейский батальон под командованием А. Импулявичюса, выполняя распоряжения гитлеровцев, 8 октября 1941 г. в местечке Дукура Пуховичского района уничтожил 617 человек, 10 октября в городском поселке Руденск – 188, 14 октября в Смиловичах – 1300, 15–16 октября в Минске – 1775 чел., 21 октября в Дзержинске – около 1 тыс. чел., 28 и 29 октября в Слуцке – около 5 тыс.⁴⁸

РАЗГРАБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ МАТЕРИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ РЕСУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Начиная войну против СССР, фашистская Германия, кроме политических целей, преследовала и экономические. Население захваченных областей, согласно фашистской расовой доктрине, считалось неполноценным этническим материалом, с которым можно было обходиться как угодно. “Наш руководящий принцип, – провозглашал Гитлер, – должен заключаться в том, что эти народы имеют одно-единственное оправдание своего существования – быть полезными для нас в экономическом отношении”⁴⁹.

⁴⁴ *Лофтус Дж.* Секрет бригады “Белоруссия” (НАРБ, перевод с англ.), с. 33.

⁴⁵ *Литвин А.* Местная вспомогательная полиция на территории Беларуси (июль 1941 – июль 1944 гг.). – Беларусь у XX стагоддзі, вып. 2. Минск, 2003, с. 215.

⁴⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 306, л. 165, 167.

⁴⁷ *Беларуская газета*, 22.III.1942.

⁴⁸ *Гісторыя Беларускай ССР*, т. 4. Минск, 1975, с. 183.

⁴⁹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., 1973, с. 18.

Далее он подчеркивал, что для Германии “восточное пространство является тем же самым, чем является Индия для Англии”⁵⁰.

В составленных еще до начала агрессии против СССР (приняты 16 июня 1941 г.) “Директивах по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях”, так называемой “Зеленой папке” Г. Геринга, говорилось: “Необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии... Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей... Первой задачей является наиболее быстрое осуществление полного продовольственного снабжения германских войск за счет оккупированных областей”⁵¹. В полной мере это относилось и к Белоруссии. Выступая перед чиновниками Генерального округа “Белоруссия”, В. Кубе заявлял: “Мы прибыли в страну с общей директивой управлять этой страной и поставить ее экономику на службу войне, которую Германия ведет на востоке, извлечь из этой страны всё, что можно извлечь из ее экономической мощи”⁵².

Прямой и неприкрытый грабеж общественных, государственных материальных ресурсов, населения начался с самого начала оккупации. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. Так, 5 августа 1941 г. первый секретарь Гродненского горкома КП(б)Б И.Б. Позняков, вышедший на контролируемую советскими войсками территорию, сообщал: “Пройдя со 2 июля по 30 июля по тылу врага, я, как многие идущие другие, наблюдал полное мародерство и грабеж населения. У крестьян забирают всю одежду, вещи и посылками отправляют в Германию. Для питания забирают даже из рук у детей кусок хлеба, берут картошку, хлеб, скот и птицу. С кирками и ломami разыскивают ямы, ищут закопанную одежду и продукты. Если с оружием в руках нельзя достать молока, фашистские солдаты сами доят коров... Крестьянам приказывали общественный скот с ферм не разбирать, в то же время в районе Озёрского сельсовета Дзержинского района забрали всю ферму и отправили эшелонами в Германию”⁵³.

Из Россонского района Витебской области очевидцами сообщалось в 1941 г.: “Действия немецких солдат-фронтовиков выражались в массовом грабеже продуктов: кур, гусей, уток, яиц, масла, сала и др. Очень много было фактов в деревнях, когда солдаты сами залезали в печку, вытаскивали сами оттуда приготовленную крестьянскую пищу, имеющееся в ней мясо забирали, а остальную пищу выливали вон. У кого находили во время своих повальных обысков спрятанный хлеб или сало, тех расстреливали на месте”⁵⁴.

Временами, чтобы соблюсти хоть какую-то видимость законности, “правильности” таких изъятий продуктов и прочего, гитлеровцы выдавали населению подобие расписок, в которых обещалось, что за всё взятое немецкое командование расплатится позже. Скоро, однако, и от такой формальности отказались, грабили повсеместно, нагло и беззастенчиво. К концу 1941 года оккупанты забрали почти всё оставшееся в наличии в Белоруссии поголовье общественного скота. С начала 1942 г. началось насильственное изъятие личного скота сельчан, в том числе и у крестьян, выполнивших немецкие поставки. В течение 1942 г. было отнято 547 тыс. голов крупного рогатого скота, сотни тысяч свиней, овец и прочей живности.

Промышленные предприятия, оставшиеся на оккупированной территории, производственные сырьевые ресурсы фашисты объявили собственностью “третьего рейха”. Вместе с государственными военно-хозяйственными органами промышленной экс-

⁵⁰ *Краль В.* Преступление против Европы. М., 1968, с. 246.

⁵¹ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов, т. 1. М., 1965, с. 155.

⁵² Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944). М., 1965, с. 189.

⁵³ НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 64, л. 105.

⁵⁴ Там же, д. 222, л. 82.

плуатацией Белоруссии уже с 1941 г. активно занялись и различные немецкие фирмы, акционерные общества.

Расчлененная на различные административно-экономические зоны Белоруссия в 1941 – начале 1942 г. испытала на себе всё многообразие немецких методов грабежа и эксплуатации. Экономическая значимость того или иного региона гитлеровцами трактовалась по-разному. В некоторых местностях они пытались возобновить работу ряда производств, переориентировав их на нужды вермахта, восстановить систему снабжения, в короткие сроки добиться их слияния с германской экономической системой, в других – делали преимущественную ставку на демонтаж захваченного здесь промышленного оборудования, вывоз его и других производственных ресурсов в рейх. Главным при этом было одно – максимально использовать экономические возможности захваченной территории.

Уже в первые месяцы войны начались грабеж и уничтожение культурных ценностей Белоруссии. То, что говорил генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау в приказе войскам – “Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения”⁵⁵ – в полной мере претворялось оккупантами в жизнь на белорусской земле. Так, книги, неудобные гитлеровцам, несущие, по их мнению, вредную информацию и идеи, месяцами сжигались на площадях города⁵⁶. По рассказам очевидцев, гитлеровцы сделали костер из книг библиотеки пединститута в первый же день оккупации Гродно⁵⁷. Они утопили в Припяти или предали огню тысячи книг из библиотек кабинетов политпросвещения и школ Мозыря и райцентров Полесской области⁵⁸. Подобное творилось и в других местах.

Нацисты уничтожили в Белоруссии сотни крупных памятников культурного и научного характера, причинили огромный ущерб культурным учреждениям республики. Разрушались и подвергались разграблению вузы, средние специальные учебные заведения и школы. Так, в Минске фашисты разрушили Белгосуниверситет вместе с его зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, медицинский и политехнический институты и многие другие здания культурно-просветительных и учебных заведений. В лабораториях Академии наук вывели из строя оборудование, наиболее ценное вывезли в Германию. Захватчики разграбили представлявшие значительную ценность картины и скульптуры (более 500 произведений) из собрания Государственной картинной галереи БССР в Минске. Фашистскими вандалами были разгромлены Белорусский театр оперы и балета (декорации, мебель, люстры, зеркала, картины, ковры вывезены в Германию), 1-й Белорусский драмтеатр, Дом народного творчества, Дома союзов писателей, художников и композиторов.⁵⁹ Всё, что представляло ценность, объявлялось собственностью рейха, вывозилось и растаскивалось различными конкурирующими ведомствами и службами оккупантов. Остальное бросалось бесхозным, просто уничтожалось на месте. Генеральный комиссар Белоруссии В. Кубе, в частности, в письме к А. Розенбергу, датированном 29 сентября 1941 г., признавал, что в Белгосуниверситете бессмысленно “уничтожены и разграблены приборы стоимостью в миллионы марок”. Жалуясь на действия конкурентов-эсэсовцев, Кубе в этом же послании пишет: “Сегодня после долгих поисков я, наконец, обнаружил и взял под охрану остатки художественных ценностей Минска. В Минске находилось большое, частично очень ценное собрание предметов искусства и картин, которые почти полностью вывезены из города. По приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера большинство картин... было упаковано эсэсовцами и отправлено в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, изъятых в генеральном округе Бе-

⁵⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов, т. 3. М., 1958, с. 346.

⁵⁶ Государственный архив Брестской области, ф. 1, оп. 2, д. 212, л. 20.

⁵⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 17, д. 24, л. 244.

⁵⁸ Там же, оп. 20, д. 217, л. 477.

⁵⁹ Немецко-фашистский оккупационный режим..., с. 233–234.

лоруссии... Эсэсовцы предоставили остальные картины и предметы искусства, среди которых были ценнейшие полотна и мебель XVIII и XIX веков, вазы, изделия из мрамора, часы и т.п., на дальнейшее разграбление вермахту. Генерал Штубенраух захватил с собой часть этих ценностей из Минска на фронт. Зондерфюреры, фамилии которых мне пока не доложили, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства... К сожалению, сильно повреждены или уничтожены также драгоценные вазы, фарфор, шкафы и спальная мебель XVIII века... Музей первобытной истории также совершенно опустошен, геологическое отделение ограблено, из него похищены драгоценные и полудрагоценные камни”⁶⁰.

Действуя по этому же сценарию, гитлеровцы разграбили хранилища культурных ценностей и в других городах республики, старинные замки Белоруссии, десятки храмов и памятников старины.

НАЧАЛО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ

Партизанское движение, подпольная борьба зарождались, как стихийно, являясь патриотической реакцией различных слоев населения на вторжение завоевателей, так и в результате целенаправленных усилий государственных структур, советского военного командования. В западных и центральных районах Белоруссии, которые уже в первые дни войны попали под власть оккупантов антифашистское сопротивление складывалось менее организованно, с большими трудностями, здесь к партизанским методам зачастую спонтанно переходили советские воины-окруженцы, представители партийно-советского актива. В восточнобелорусских регионах партизанские отряды и подпольные группы нередко были подготовлены к приходу врага заранее органами власти и военными структурами, определенное число партизанских подразделений летом 1941 г. было направлено на оккупированную территорию через линию фронта. Выполняя установки верховной власти СССР, партийно-государственные органы БССР, командование Западного фронта уделили много внимания развертыванию антифашистской борьбы в тылу противника. В частности, только в партизанской школе оперативно-учебного центра Западного фронта в течение лета 1941 г. прошли подготовку около 1500 человек, большая часть из которых начала действовать на оккупированной территории. Военным отделом ЦК КП(б) в июле – августе 1941 г. был разработан ряд инструктивных документов для партизан, в том числе “Памятка командиру и комиссару партизанского отряда”. 2 августа 1941 г. в республиканской газете “Звезда” был опубликован, а также издан в виде листовки один из первых вариантов “Присяги белорусского партизана”.

В чрезвычайно тяжелой обстановке первых месяцев войны благодаря народному патриотическому подъему и усилиям органов власти в Белоруссии сумели приступить к конкретным действиям около 100 партизанских отрядов и примерно такое же количество партизанских групп. Люди, поднявшие оружие против захватчиков, представляли разные слои довоенного общества советской Белоруссии. Однако в первую очередь партизанами становились те, для кого приход фашистов представлял непосредственную опасность, угрозу жизни – партийный, советский, комсомольский, колхозный актив. В отряды и группы вливались рабочие-коммунисты, служащие, связавшие судьбу с ВКП(б), комсомольская молодежь, беспартийные граждане. Наряду с партийным и служебным долгом, житейскими обстоятельствами на сопротивление вражескому нашествию людей подвигали патриотические чувства, замешанные у многих на глубоко и искренне воспринятой социалистической идеологии, просоветские настроения и воззрения.

Весьма значительной в развертывании антифашистской борьбы в оккупированной Белоруссии была роль солдат и офицеров РККА и пограничных войск НКВД, оказавшихся в тылу врага. Архивные источники показывают, что их число в составе первых

⁶⁰ Нюрнбергский процесс над главными..., т. 3, с. 585.

партизанских подразделений было весьма весомым. В 1941 г. военные являлись одной из решающих сил в развитии партизанской борьбы. Обладая военными знаниями и армейскими навыками, боевым опытом, они оказывали руководящим антифашистским подпольным центрам ценную помощь в укреплении действующих и организации новых партизанских формирований, часто входили в состав партизанского командования, были для большинства партизан из числа гражданских лиц боевыми наставниками, примером поведения в вооруженной схватке с врагом⁶¹.

Несколько тысяч бойцов первых партизанских формирований создали в Белоруссии очаги повстанческой войны, которые гитлеровцам так и не удалось подавить ни в 1941, исключительно тяжелом для партизан году, ни в 1942, ни в последующие военные годы, когда партизанское движение стало массовым. На тысячи шел счет бойцов, вошедших в состав подпольных антифашистских организаций, которые возникли во многих населенных пунктах республики. Эти отважные люди будоражили своими действиями всю Белоруссию, своим примером будили совесть сомневавшихся и колеблющихся, втягивали в сопротивление захватчикам всё более широкие слои населения.

Антифашистская борьба в 1941 г. начала разворачиваться во всех районах оккупированной Белоруссии. Наиболее тяжелые условия для патриотов, включившихся в партизанскую и подпольную деятельность, сложились в западных областях республики. Организовано подготовиться к сопротивлению здесь не хватило времени, Западная Белоруссия была захвачена немецко-фашистскими войсками в считанные дни (напомним, что Минск враг взял уже 28 июня 1941 г.). Кроме того, сказывалась специфика социального состава западных регионов, советизированных лишь незадолго до начала войны. Тем не менее сопротивление гитлеровцам оказывали и здесь. Покажем это на примере округа “Белосток” – административно-территориальной единицы, созданной оккупантами.

Еще до завершения полной оккупации Белоруссии немцы приступили к административному переделу ее западных земель: все 23 района Белостокской области, в том числе Свислочский, 10 районов Брестской, включая Гайновский, Каменецкий, Порозовский, Пружанский, Шерешёвский, два района полностью и два частично Барановичской области были оторваны в административном отношении от остальной территории довоенной БССР⁶². Приказом Гитлера от 12 июля 1941 г. они вошли в так называемый округ “Белосток”, а его же декретом от 22 июля 1941 г. округ включили в административное подчинение имперской провинции “Восточная Пруссия”⁶³.

Округ “Белосток” с центром в г. Белосток занимал 32 тыс. кв. км с населением 1,6 млн. чел.⁶⁴ Он был разделен на семь окружных комиссариатов, внутри которых действовали местные комиссариаты. В подчинении последних находились силы полиции, в каждой гмине имелся полицейский участок из 7–12 немцев и местных полицейских. Так, в дер. Каменюки охранный гарнизон состоял из 15 человек, прибывших в деревню уже 23 июня и разместившихся в двух зданиях. Мужское население деревни заставили нести ночную патрульную охрану этих помещений, а всех жителей – обеспечивать их хозяйственное обслуживание⁶⁵.

Помещения гмин и полицейских участков, как правило, были окружены дотами и траншеями и обнесены колючей проволокой. В таких населенных пунктах, как Белос-

⁶¹ См.: Калинин П.З. Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии. – Военно-исторический журнал, 1962, № 10, с. 41–58; Пережогин В.А. Из окружения и плена – в партизаны. – Отечественная история. 2000, № 3, с. 25–33; Боярский В.И. Партизаны и армия. История утерянных возможностей. М., 2001.

⁶² Белорусские оstarбайтеры: историко-аналитическое исследование. Минск, 2001, с. 33–34.

⁶³ Туронак Ю. Указ. соч., с. 66.

⁶⁴ Gerlach Ch. Op. cit., S. 174.

⁶⁵ Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Камянецкага раёна. Мінск, 1997, с. 197.

ток, Брест, Гродно, Беловеж и других, разместились военные гарнизоны с комендатурами и жандармской полицией.

Поскольку округ фактически стал территорией “третьего рейха” и фигурировал в немецких документах как его тыловой район, тут с востока была установлена охраняемая граница, пересечение которой местным жителям строго запрещалось. Первоначально ею стала восточная граница Беловежской пуши, однако осенью 1941 г. граница не единожды передвигалась на восток, чтобы как можно дальше отступить от края пуши, представлявшей потенциальную опасность для оккупантов как возможное место дислокации партизан. Вся восточная граница округа покрылась густой сетью охранных застав, которые были расположены через каждые 10 км. Гарнизон каждой заставы состоял из 40–60 немцев со сторожевыми собаками.

Оккупанты рассматривали округ как “естественный мост” между Восточной Пруссией и рейхскомиссариатом “Украина”, функцией которого было обеспечение “спокойного сообщения между Балтийским и Чёрным морями”⁶⁶. Однако на практике более обширные планы колонизации и использования территории округа не были воплощены в жизнь вследствие многих просчетов оккупационной политики в целом. Так, после окончания войны в округ собирались переселить в качестве колонистов немцев Поволжья, онемечив при этом большую часть белорусов. В течение 30 лет население округа должно было достичь 1,628 млн чел., из них 1,103 млн. должны были составлять немецкие колонисты, 40% которых предполагалось разместить в городах. Таким способом надеялись совершить гигантский экономический скачок, создав 170 830 новых рабочих мест. Однако эти берлинские планы не поддерживал глава гражданской администрации округа “Белосток”, созданной 1 августа 1941 г., – обер-президент и гауляйтер Восточной Пруссии Э. Кох, который считал, что территория округа должна быть заселена крестьянами из Восточной Пруссии⁶⁷.

Оккупанты успели лишь начать создание сети крупных государственных имений, которыми управляли колонисты из Восточной Пруссии. Для работы в имениях принудительно привлекались местные жители, военнопленные и рабочие, привезённые из других оккупированных областей СССР.

Таким образом, территория округа “Белосток” должна была стать глубоким фронтовым тылом. Претворяя этот план в жизнь, немцы расположили там резервные воинские части, военные склады и госпитали. Уникальная природа и красота древней Беловежской пуши превратили ее в объект размещения домов отдыха для фронтовиков.

Для обеспечения безопасности региона оккупанты сожгли или выселили все лесные деревни. Такая же судьба постигла деревни, прилегавшие к лесам, вокруг которых были созданы так называемые “защитные пояса” радиусом 20–30 км. В Гайновке, Бельске, Браньске, Лапах, Ломже и Бялой Подляске дислоцировались крупные гарнизоны. Непосредственно в Беловежской пуше стояло около 25 гарнизонов. Вдоль железных и шоссейных дорог были возведены укрепления, на лесных дорогах и просеках постоянно дежурили патрули, по просекам проложили телефонную связь⁶⁸.

В пос. Беловеж, в зданиях лесничества и почты расположились филиал белостокского гестапо и подразделение жандармерии. Агенты гестапо буквально наводнили округ. Чтобы войти в доверие к местному населению, они выдавали себя за евреев, военнопленных, партизан.

По мере продвижения советско-германского фронта на восток туда же перемещались подразделения абвера – германской военной разведки и контрразведки. В августе 1941 г. одно из них, курировавшее центральный участок фронта и подчинявшееся разведцентру абвера “Валли I” в Сулеювке близ Варшавы, разместилось в Беловежском

⁶⁶ Цит. по: *Gerlach Ch. Op. cit.*, S. 175.

⁶⁷ *Ibid.*, S. 118.

⁶⁸ Культурная спадчына рэгіёну Белавежскай пушчы – выбраныя аспекты. Вынікі польска-беларускіх інвентарызацыйных семінараў – ліпень 2002. Белавежа – Камянюкі, 2003, с. 145; Буг в огне. Минск, 1965, с. 282–284.

дворце. Вокруг дворца были установлены караульные будки и щиты с предупреждением, что вход на территорию парка карается смертью.

Поскольку Беловежская пушча была фактически “подарена” фюрером своему любимцу, шефу люфтваффе Г. Герингу (ее называли даже “пущей Геринга”), при абверовском центре во дворце начало функционировать подразделение разведки люфтваффе, а один из флигелей был передан в личное распоряжение Геринга. Охранял Беловежский дворец батальон наземной службы люфтваффе. Прямо на территории пушчи построили 8 посадочных площадок для самолетов и открыли авиационную школу на 500 человек⁶⁹.

Особое положение округа как части “рейха” определило в качестве главных задач военной и гражданской администрации быстрое уничтожение на его территории коммунистов, бывшего советского актива, евреев и тотальное усмирение местного населения.

1–4 июля 1941 г. первые акции уничтожения на территории округа “Белосток”, в зоне действий 221-й охранной дивизии вермахта, осуществила айнзацкоманда-8 из состава айнзацгруппы-Б полиции безопасности и СД.

5 июля команду перебросили в Барановичскую область, ее сменил 322-й полицейский батальон полицейского полка “Центр”. Этот батальон, действовавший как специальное подразделение айнзацкоманды-8, официально являлся личным спецрезервом рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. 5 августа 1941 г. батальон также убыл в Барановичскую область, позже действовал в Минской и Могилёвской областях, однако, согласно записям, оставленным в батальонном военном дневнике, “отклонялся” на округ “Белосток”⁷⁰.

На Пружанщине уже в первые дни вражеского нашествия были арестованы и расстреляны председатели сельских исполкомов: Бродовского – М.У. Григорчук, Городеченского – Ф.Т. Драпко, Старовольского – И.С. Наумчик, Муравского – П.В. Родион и другие⁷¹. Только за первые шесть месяцев оккупации расстреляли или замучили почти всех бывших членов КПЗБ и ЛКСМЗБ, сотрудников сельских исполкомов, уничтожили более 1 тыс. жителей района из числа гражданского населения, сожгли около 25 деревень⁷².

26 июня 1941 г. в родной деревне Глушеч расстреляли советских активистов Б.А. Глушко и П.И. Прокопчика. 6 августа 1941 г. в Гайновке расстреляли жителей той же деревни братьев Цабрук – Василия и Владимира Антоновичей. Расстрелы производились и непосредственно в Беловежской пушче. По сей день остается неизвестным число расстрелянных и похороненных в братских могилах в кварталах 369, 370 и 399.

В пушчанском квартале 619, в 13 км на запад от дер. Криница Пружанского района есть братская могила около 120 советских активистов из Беловежа, Гайновки, Шерешёво, Ровбицка, Малого Красника и других окрестных населенных пунктов, убитых гитлеровцами 31 июля – 2 августа 1941 г.⁷³ Некоторое время после войны место расстрела оставалось неизвестным. В 1952 г., во время ремонта лесной дороги под ковшом экскаватора, работавшего в находившемся неподалеку старом карьере, открылись человеческие кости. Местным краоведам удалось установить имена 85 жителей Беловежской пушчи, расстрелянных в лесном карьере. В конце 1980-х годов на месте казни, там, где многие годы стоял простой обелиск с красной звездой, был создан мемориал в виде наклоненных крестов, за которыми находится мраморная плита с именами погиб-

⁶⁹ НАРБ, Ф. 4п, оп. 29, д. 33, л. 10; Буг в огне, с. 282–284.

⁷⁰ *Gerlach Ch. Op. cit.*, S. 540–541.

⁷¹ Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Пружанскага раёна. Мінск, 1992, с. 155.

⁷² Там же, с. 144.

⁷³ Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Пружанскага раёна, с. 446; Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область. Минск, 1990, с. 360.

ших. Каждый год возле этой братской могилы собираются жители польского Беловежа и окрестных белорусских деревень, чтобы почтить память безвинных жертв нацизма.

Трагическим летом 1941 г. густой лес Беловежской гущи укрыл обессиленных, раненых, а также бежавших из плена бойцов и командиров РККА, которым начали оказывать поддержку и помощь окрестные жители. Уже в июле – сентябре 1941 г. в Беловежской и Ружанской пушах действовали 12 партизанских групп, объединивших около 500 советских военнослужащих⁷⁴. В этот период в Беловежье появились также первые антифашистские группы из местных жителей. Военные и крестьяне, которые вставали на путь борьбы с врагом, как правило, поддерживали друг друга, а чаще всего объединяли свои силы для более активных действий.

Так, в июле 1941 г. жители дер. Собольки и Кукличи тогдашнего Порозовского района, бывшие активисты КПЗБ В.В. Янушко, А.С. Савко, С.К. Кутько установили связь с несколькими десятками надежных жителей деревень Боровики, Тереховичи, Дешковцы, Миничи, Новый Двор и других и создали антифашистский комитет под руководством В. Янушко (подпольная кличка “Поддубный”). Подпольщики начали собирать оружие, которое передавали бойцам и командирам Красной Армии. В сентябре они объединились с группой военнослужащих, создав отряд “Поддубного”. В августе 1942 г. в отряде уже числилось 180 человек. Однако спустя месяц он был окружен карателями, отдельные группы, вырвавшиеся из окружения, некоторое время действовали самостоятельно, в феврале 1943 г. часть их соединилась с другими формированиями, образовав отряд им. С.М. Кирова под командованием капитана Красной Армии К.Б. Нищенко, вошедший позже в партизанскую бригаду им. П.К. Пономаренко Брестской области. Янушко стал заместителем командира отряда, оставаясь при этом секретарем Порозовского подпольного антифашистского комитета⁷⁵.

Что касается дер. Собольки, находившейся в пролеске между Беловежской и Ружанской пушами на перекрестке дорог к Волковыску, Свислочи и Пружанам, партизаны называли ее “партизанской гостиницей”, поскольку всегда находили у местных жителей теплый прием и получали необходимую помощь, начиная со свежевыпеченного хлеба и кончая разведанными. Еще в первые дни оккупации жители этой деревни построили в лесу землянки, в которых прятали воинов-окруженцев и бежавших из плена бойцов и командиров, лечили раненых народными средствами⁷⁶.

Подпольную группу из 10 человек организовал в июле 1941 г. бывший активист революционного движения в Западной Белоруссии, довоенный заведующий сектором кадров Свислочского райисполкома, депутат Верховного Совета БССР Н.Н. Болтрик, в нее вступили бежавшие из плена военнослужащие Красной Армии во главе с капитаном В.П. Кириченко. “Болтрик, – сообщалось командованию низовыми немецкими военными структурами, – неуловим и появляется во многих деревнях”. Весной 1942 г. вся группа влилась в партизанский отряд им. Э. Тельмана, сформированный в 573-м квартале Беловежской пуши на территории Гайновского района воинами-окруженцами В.Т. Концендаловым, И.И. Крыловым, И.Г. Байбаловым и местными жителями. Однако вскоре противник значительно активизировал свои действия, в результате чего зимой 1942–1943 гг. отряд распался: большая часть партизан тремя группами ушла в более безопасные районы на восток⁷⁷.

Первая подпольная антифашистская молодежная группа на территории Свислочского района нынешней Гродненской области возникла в дер. Доброволья в начале оккупации. Возглавлял группу М.А. Урбанович, в состав входили П.Т. Василенко, председатель исполкома И. Панотчик, депутат сельсовета В. Горденя, местные активисты

⁷⁴ Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Пружанскага раёна..., с. 156.

⁷⁵ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Минск, 1983. С. 155; Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Свіслацкага раёна... С. 203.

⁷⁶ Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Свіслацкага раёна, с. 194.

⁷⁷ Ніва, 23 VI. 1968.

Г. Шмыга, А. Янковский и другие, всего 18 человек. Подпольщики собирали оружие на местах боев, медикаменты, помогали раненым красноармейцам. По доносу предателя в июле 1941 г. руководитель группы и несколько подпольщиков были схвачены и расстреляны. Оставшихся на свободе патриотов возглавила девушка – Паша Василенко. Устроившись на работу в немецкую столовую, она доставала и передавала партизанам продукты, сообщала нужную информацию, в этом ей помогала вся семья. Предатель выдал и их. Осенью 1942 г. П. Василенко, ее отец Тимофей Иванович, братья Иван и Александр были повешены в центре дер. Доброволья⁷⁸.

В ноябре – декабре 1941 г. несколько групп в Каменецком и Шерешёвском районах организовали довоенный начальник Каменецкого райотдела НКВД Е.М. Афанасьев и сотрудник райотдела НКГБ этого же района И.П. Лапин. Позже эти группы объединились в районные антифашистские организации⁷⁹.

Таким образом, партизанские и подпольные группы появились в западных районах Белоруссии уже в начале оккупации, однако о большинстве из них сведений или вообще не сохранилось, или они крайне отрывочны. Предпринятые противником беспрецедентные меры обеспечения безопасности округа “Белосток”, являвшегося приграничной территорией “третьего рейха”, способствовали тому, что к зиме 1941–1942 гг. многие группы прекратили существование или вынуждены были уйти в другие районы.

В Брестской области, в Жабинковском районе уже в конце июня 1941 г. был создан Старосельский партизанский отряд из групп военнослужащих майора С. К. Дородных и лейтенанта С.С. Шиканова (из 84-го и 125-го полков брестского гарнизона), а также пограничников и жителей дер. Старое Село во главе с председателем сельского Совета М.Н. Чернаком. В Антопольском районе Брестской области в августе 1941 г. партизанская группа была организована младшим командиром П. Губаревым. В Коссовском районе партизанскую группу, созданную сельчанами дер. Житлин, возглавил лейтенант А.П. Чертков. В Порозовском районе Брестской области организовался партизанский отряд из военнослужащих и жителей ряда деревень. В сентябре 1941 г. в отряде насчитывалось около 180 человек. По неполным сведениям, всего в Брестской области уже осенью 1941 г. действовало 4 партизанских отряда и 38 партизанских групп⁸⁰.

В Барановичской области отдельные части и подразделения советских войск, попавшие в окружение в районе Новогрудка, в так называемый “Новогрудский котел”, оказывали сопротивление врагу до середины августа 1941 г. Оставшиеся в живых и на свободе воины, получая поддержку населения, переходили к партизанским методам борьбы. Так, восточнее Новогрудка некоторое время действовал отряд полковника Бессиярова. В Кореличском районе осенью 1941 г. из местной молодежи партизанскую группу создал Г.Д. Беляй. В Зельвенском районе уже летом 1941 г. местный активист П.И. Булак начал налаживать связи между патриотически настроенными людьми и на базе этих подпольных сил вместе с командиром РККА Б.А. Булатом создал впоследствии Голянский партизанский отряд. Многие партизанские группы, организованные летом и осенью 1941 г. в Бытенском и Слонимском районах, позднее объединились, образовав отряды.

В Пинской, Вилейской и Минской областях в организации партизанской борьбы летом 1941 г. отчетливо проявилось направляющее влияние партийно-государственных структур БССР. Так, в Пинской области первый партизанский отряд был организован по решению обкома КП(б)Б уже 26 июня 1941 г. Его командиром стал заведующий финхозсектором обкома В.З. Корж, имевший опыт участия в партизанской борьбе

⁷⁸ Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Свіслацкага раёна, с. 202–203; Их именами названы... Энциклопедический справочник. Минск, 1987, с. 106.

⁷⁹ Криштафович М.Е. Звучал призыв к оружию. – Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944: Страницы воспоминаний. Вилейская, Барановичская, Пинская, Брестская, Белостокская области. Минск, 1986, с. 290–291.

⁸⁰ 1941 год. Трагическое и героическое. Минск, 1991, с. 169.

на территории Западной Белоруссии в 1920-х годах, а также в ходе антифашистской войны в Испании. 4 июля 1941 г. отряд принял бой под Пинском с наступающими гитлеровцами. По указанию ЦК КП(б)Б Пинский обком партии, действуя с территории соседней Полесской области, летом 1941 г. создал из числа советского, партийного и комсомольского актива 15 партизанских отрядов, из них остались на оккупированной территории и развернули действия 6 – Телеханский, Ивановский, Ганцевичский, Лунинецкий, Столинский и Давид-Городокский.

Партийно-государственный аппарат Вилейской области с 26 июня 1941 г. вместе с отступавшими частями РККА эвакуировался в направлении Витебска. В пути обком КП(б)Б получил указание ЦК КП(б)Б об организации партизанской борьбы на территории области. В пос. Ветрино Витебской области вилейскими партийно-советскими руководящими работниками было создано несколько партизанских групп, однако подавляющее большинство из них при попытке пробиться через линию фронта на оккупированную территорию было рассеяно. В тыл врага смогла пройти лишь поставская партизанская группа во главе с С.А. Пронько. В Поставском районе с сентября 1941 г. во главе группы партизан активно действовал также присланный из-за линии фронта заместитель председателя Вилейского облисполкома, депутат Верховного Совета БССР Ф.Г. Марков, удостоенный впоследствии за партизанские заслуги звания Героя Советского Союза.

Из-за быстрой оккупации врагом Минской области здесь органам государственной власти БССР и советскому военному командованию также не удалось заранее подготовить партизанские отряды. Это делалось патриотами непосредственно в тылу немецких войск.

7 июля 1941 г. ЦК КП(б)Б создал Минский подпольный обком КП(б)Б в составе семи человек во главе с В.И. Козловым и направил его в южные районы области. В двадцатых числах июля 1941 г. эта группа организаторов и руководителей партизанской борьбы прибыла в Любанский район и развернула свою работу. Связаться с не успевшими эвакуироваться местными советскими активистами было непросто – им, чтобы не попасть в руки врага, приходилось скрываться. Гибель подстерегала на каждом шагу и группу В.И. Козлова. И всё же дело пошло. Члены нелегального антифашистского центра упорно и самоотверженно работали над выполнением полученного задания. Действовали, как вспоминает в своей книге один из отважной семерки Р.Н. Мачульский, “невзирая на опасность, неустроенность, забывавя обо всех невзгодах, неделями не зная, что такое постель и ложка горячего супа”⁸¹. Налаживались встречи с людьми, явки и связи, велась агитационно-разъяснительная работа среди населения, создавались антифашистские организации, партизанские группы и отряды.

Кроме партийного центра во главе с В.И. Козловым, в июле – августе 1941 г. ЦК КП(б)Б направил из прифронтовых районов большое число других организаторских, а также диверсионных групп. На нелегальное положение в захваченных врагом местностях перешло несколько секретарей райкомов КП(б)Б, другие представители местного довоенного партийно-советского аппарата.

Военнослужащими-окруженцами и местным активом уже в первые месяцы оккупации был создан в Минской области ряд партизанских отрядов (в 1941 г., кроме большого числа партизанских групп, здесь действовало уже 26 отрядов⁸²). Так, в Гресском районе в июле 1941 г. группа местного советско-партийного актива объединилась в отряд с подразделением военнослужащих. В сентябре 1941 г. в его состав влилась еще одна группа военнослужащих во главе с бывшим командиром 6-й кавалерийской дивизии генерал-майором М.П. Константиновым. Он и стал командиром отряда.

Со временем ряд отрядов объединились. Например, в состав Старобинского партизанского отряда вошли Домановичский и Долговский. Укрупненный Старобинский отряд, в свою очередь, слился с отрядом В.З. Коржа, прибывшим из Пинской области.

⁸¹ Мачульский Р.Н. Вечный огонь. Минск, 1978, с. 39.

⁸² Партизанские формирования Белоруссии..., с. 403.

В конце декабря 1941 г. отряды Н.П. Покровского и А.Д. Сергеева, действовавшие в Руденском и Червенском районах, и прибывшая из Минска подпольная группа военнослужащих во главе с бывшим командиром 208-й моторизованной дивизии полковником В.И. Ничипоровичем объединились в 208-й партизанский отряд, который он и возглавил.

В Могилёвской области в 1941 г. было организовано и действовало около 40 партизанских отрядов и групп. Содействовало этому большое число оставшихся на оккупированной территории советских активистов и военнослужащих. С июля 1941 г. начали свою деятельность в тылу врага Осиповичский и Чериковский подпольные райкомы КП(б)Б. Чериковский партизанский отряд, возглавляемый вторым секретарем РК КП(б)Б Г.А. Храмовичем до октября 1941 г. проводил боевые операции в своем районе, затем был вытеснен карателями на территорию РСФСР, в брянские леса, но в декабре 1941 г. снова вернулся в Чериковский район. Отряды и партизанские группы действовали и во многих других районах области. На западе Могилёвщины росли, укреплялись и усиливали активность Кличевский партизанский отряд, отряды В.М. Сырцова и В.П. Свистунова. На территории Кличевского и некоторых соседних районов зимой 1941–1942 гг. они разгромили многие фашистско-полицейские гарнизоны. Сюда же к весне 1942 г. перебазировался из Минской области сильный и хорошо обученный в военном отношении полковником В.И. Ничипоровичем 208-й партизанский отряд. При поддержке местного населения в сентябре 1941 г. на территории Климовичского района, на самом востоке Могилёвской области, партизанский отряд в основном из воинов-окруженцев и бежавших из плена создал бывший командир 110-й стрелковой дивизии В.А. Хлебцов. В ноябре 1941 г. отряд двинулся к линии фронта и в декабре соединился с частями РККА.

В Витебской области обком КП(б)Б, руководствуясь директивами ЦК ВКП(б), смог заранее подготовить организаторские группы для работы в тылу противника. Только в Оршанском, Богушевском, Лепельском и Сенненском районах для этих целей специально было подобрано около 200 человек. Летом 1941 г. на оккупированной территории начали работу нелегальные Богушевский, Меховский, Освейский, Россонский, Лепельский и Сиротинский райкомы КП(б)Б. В Суражском районе еще до прихода врага райкомом КП(б)Б был организован из рабочих и служащих Пудотьской картонной фабрики партизанский отряд, который возглавил директор фабрики М.Ф. Шмырёв – известный партизан периода Гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны прославившийся под псевдонимом “Батяка Минай”. В 1941 г. в Витебской области начали действовать и многие другие отряды и партизанские группы.

Под серьезным организационным влиянием партийно-государственных структур БССР зарождалось и развивалось также партизанское движение в Полесской и Гомельской областях, последних регионах Белоруссии, удерживаемых Красной Армией еще в августе 1941 г. Ярким примером является история создания и деятельности отряда “Красный Октябрь” в Октябрьском районе Полесской области, возглавляемого секретарем РК КП(б)Б Т.П. Бумажковым и уполномоченным наркомата заготовок Ф.И. Павловским. Отряд совместно с оборонявшимися частями Красной Армии вел активные бои – уничтожал живую силу и технику противника, взрывал мосты, добывал разведанные. 6 августа 1941 г. Т.П. Бумажкову и Ф.И. Павловскому первым среди советских партизан было присвоено звание Героя Советского Союза.

В конце лета – осенью 1941 г. действовавшие в Полесской области партизанские отряды и группы понесли существенные потери в боях с преследовавшими их карателями, многие были рассеяны на мелкие группы. Те, кто выстоял, во главе с отрядом “Красный Октябрь”, сохранившим боеспособность, явились основой для последующего роста партизанских сил. На январь 1942 г. в Полесской области действовало 14 партизанских отрядов. В конце января 1942 г. в ходе совместных боев по защите образовавшейся Октябрьской партизанской зоны подавляющее большинство из них объединилось в так называемый “гарнизон Ф.И. Павловского” – прообраз областного партизанского соединения. Созданное объединенное формирование насчитывало око-

ло 1300 партизан под руководством коллегиального органа – совета командиров отрядов. Совет возглавлял командир отряда “Красный Октябрь” Герой Советского Союза Ф.И. Павловский.

В Гомельской области летом 1941 г. для работы в тылу противника было подготовлено около тысячи патриотов. Из их числа создано большое число организаторских и партизанских групп, несколько партизанских отрядов – Лоевский “За родину”, Гомельский городской “Большевик”, Гомельский сельский, Речицкий, Рогачёвский и некоторые другие. Однако уже в самом начале борьбы на развитии партизанского движения на Гомельщине сказались неблагоприятные причины, связанные с природно-географическими факторами, отсутствием необходимой материальной базы, опыта противостояния врагу. В области имелся лишь один крупный массив лесов – Чечерский, остальные были сравнительно небольшими. На территории Гомельщины пересекались многие важные железнодорожные магистрали и шоссейные дороги, здесь проходил водный путь на Киев. Охране этих направлений и местностей гитлеровцы придавали большое значение, стянув сюда дополнительные силы и установив особо жесткий оккупационный режим. Возможные места базирования партизан часто и тщательно прочесывались.

В этих условиях немало заранее подготовленных за линией фронта партизанских групп так и не смогли выйти в свои районы и приступить к действиям. Многие партизанские подразделения погибли, были рассеяны или рассредоточились. С наступлением осенне-зимних холодов ряд отрядов и групп прекратил боевые действия: было решено переждать зиму. Активную борьбу смогли продолжить в области только пять партизанских отрядов. Наиболее боеспособным среди них был отряд “Большевик”⁸³.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Во многих населенных пунктах Белоруссии зарождались подпольные группы и организации антифашистской направленности. По неполным данным, в 1941 г. только в Минске и его окрестностях действовало более 50 подпольных групп. К концу 1941 г. в Гродно лишь на железнодорожном узле действовало 3 группы, объединявшие свыше 20 подпольщиков. В Гомеле за неполных два месяца со дня оккупации города было создано около двух десятков подпольных групп. Примерно такое же количество групп действовало в 1941 г. в Витебске, Борисове, Орше и Оршанском районе, 12 – в Осиповичах, до 10 – в Ново-Белице. Подпольная борьба развернулась в столице Белоруссии, во всех областных центрах, многих других городах, поселках и деревнях, на промышленных и транспортных объектах.

Белорусский историк В.И. Ермолович проанализировал национальный состав некоторых подпольных организаций, действовавших в 1941 г. в различных районах Белоруссии. Такие сведения за июль – декабрь 1941 г. отложились в архивах лишь по ограниченному кругу населенных пунктов, при этом следует учитывать оговоренную автором неполноту имеющихся данных. Тем не менее они достаточно показательны. По этим подсчетам, в состав минского подполья в 1941 г. входило 387 белорусов (71,7%), 90 русских (16,7%), 21 еврей (3,8%), 14 украинцев (2,6%), 13 поляков (2,4%), 6 татар (1,1%), 5 латышей (0,9%), 1 армянин, 1 болгарин, 1 лезгинец и 1 немец⁸⁴.

Наиболее полные сведения о национальности подпольщиков были обнаружены автором по нелегальным антифашистским организациям в Гродно, Могилёве, Осинторфе, Осиповичах, Орше, Пинске и Слуцке, которые, как и подполье Минска, действовали уже в 1941 г. Подсчеты свидетельствуют, что белорусы в 1941 г. составляли 74,4% от общего числа участников изученных подпольных организаций, русские – 17,5 %,

⁸³ 1941 год. Трагическое и героическое, с. 164.

⁸⁴ Ермолович В.И. Национальный состав антифашистского подполья в Беларуси в 1941–1944 гг. – Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. Зб. навук. артыкулаў. Мінск, 1998, с. 106 –107.

евреи – 2,3%, украинцы – 2,2%, поляки – 1,7% и прочие – 1,9%. Автор пришел к выводу, что с началом войны именно белорусы стали доминирующей силой в деле создания сети подпольных антифашистских организаций на территории республики⁸⁵.

Организаторами антифашистского подполья, помимо специально оставленных для этого руководящих работников партийно-советского аппарата, в силу складывавшихся обстоятельств оказывались разные люди, в том числе сугубо мирных, далеких от военного дела профессий. В Могилёве, например, крупную подпольную организацию – “Комитет содействия Красной Армии” (свыше 400 человек) – возглавил учитель одной из школ города К.Ю. Мэттэ. Вместе с ним в руководстве организацией находилось немало других представителей интеллигенции, людей разнообразных профессий. К.Ю. Мэттэ вспоминал: “Опыта подпольной борьбы в тылу оккупантов ни у меня, ни у моих боевых друзей не было никакого. Пришлось, что называется, ускоренными темпами, в процессе борьбы учиться самим и учить других. Мы старались вспомнить всё, что знали из опыта подпольной работы старых большевиков, изучали принципы строгой конспирации большевистского подполья. Помнится, с какой жадностью мы читали произведение Мстиславского “Гроч – птица весенняя” (о большевике Баумане), а также книги, в которых разоблачалась человеконенавистническая сущность фашизма... Чтобы раздобыть такую литературу, я неоднократно тайно проникал в закрытую библиотеку бывшего Дома учителя, находившуюся под охраной немецкой комендатуры и городской управы”⁸⁶. Организаторская деятельность К.Ю. Мэттэ в подполье продолжалась с 1941 по март 1943 г. (до ухода в партизанский отряд).

МИНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Широко известна героическая деятельность подполья в Минске в 1941 г. Однако долгие годы существовала проблема реабилитации доброго имени руководителя минских подпольщиков в 1941–1942 гг., секретаря Минского подпольного горкома КП(б)Б И.К. Ковалёва⁸⁷.

Исследователь данного вопроса Е.И. Барановский писал: “Гитлеровские спецслужбы... арестовали почти весь состав Минского подпольного горкома Компартии Белоруссии... В фашистских застенках оказался и секретарь Минского подпольного горкома КП(б)Б Иван Кириллович Ковалёв. Жестокие пытки и допросы не дали желаемых результатов. Тогда дело подпольщиков было передано в отдел пропаганды Минской полиции безопасности и СД, сотрудники которого от имени Ковалёва напечатали в немецкой прессе статьи... Данная провокация фактически стала одним из важнейших источников возникновения со стороны, прежде всего Большой земли ее центров партизанского и подпольного движения, обвинительного уклона по отношению к Минскому подпольному горкому, его руководителю Ковалёву, всему Минскому подполью.

Десятки лет не вводились в научный оборот сотни документов о патриотической деятельности и трагической судьбе Ковалёва и его соратников. Многие участники антифашистского сопротивления умерли, не дождавшись правильной оценки своей роли, более 100 человек были незаконно репрессированы. 113 из них к настоящему времени реабилитированы. Трагедией стало и создание сфальсифицированных документов, подтверждавших негативную оценку Ковалёва и других минских патриотов. Одновременно происходило исчезновение материалов, объективно освещавших

⁸⁵ Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. Зб. навук. артыкулаў. Мінск, 1998, с. 106–107.

⁸⁶ Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее – БГМИВОВ). КП-47717.

⁸⁷ См.: Звязда. 9.V.1990; 10.IV.1991; *Доморад К.И.* Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941–1944. Минск, 1992.

шающих и развитие антифашистского сопротивленческого движения в белорусской столице”⁸⁸.

У нас есть возможность более детально поведать о некоторых страницах истории зарождения подполья в столице Белоруссии.

В центре Минска, за зданием Дворца профсоюзов, затерялся небольшой трехэтажный дом дореволюционной постройки. Это всё, что осталось от существовавшей здесь когда-то улицы Коммунистической. Застроенная в основном деревянными домами, она полностью сгорела в первые дни войны. На третьем этаже дома (до войны он имел номер 48, сейчас его адрес – проспект Независимости, 27а), в квартире № 6 жила некогда Ольга Фёдоровна Щербацевич с сыном Владленом – учеником 6-й белорусской средней школы (стояла на перекрестке нынешних проспекта Независимости и улицы Я. Купалы, не сохранилась. – *Авт.*), которому перед войной исполнилось 15 лет. Жили скромно, тихо, на что были свои причины – муж Ольги, кадровый военный, батальонный комиссар И.Д. Щербацевич был репрессирован в 1938 г. Как жену “врага народа” О. Щербацевич исключили из партии⁸⁹. Она долго не могла устроиться на службу и лишь с большим трудом нашла место культработника в 3-й Советской больнице (инфекционной), которая и сегодня существует на улице Кропоткина. В Минске у Ольги было много родственников: два брата, две сестры с семьями. Один из братьев – Иван Янушкевич – перед войной был призван на действительную службу в армию. Вторым – Пётр, по некоторым данным, работал на вагоноремонтном заводе. Сестра Надежда, сохранившая девичью фамилию Янушкевич, жила с мужем Николаем Кузнецовым через дорогу от Щербацевичей на перекрестке улиц Октябрьской (ныне Интернациональная) и Энгельса. В первые недели войны у них родился ребенок. Самая младшая из сестер – Евгения, по мужу Михневич, жила в Уручье в военном городке и тоже имела маленького ребенка.

Власти не успели организовать полноценную эвакуацию населения. Многие минчане пытались выбраться из города самостоятельно, но дороги перерезали немецкие танки, а 28 июня немцы вошли в Минск. Десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии, героически оборонявших минское направление, пали смертью храбрых или оказались в плену. В районе дер. Старое Село недалеко от Минска в руки немцев попал в полном составе, с медперсоналом и ранеными, полевой госпиталь 5-го стрелкового корпуса 10-й армии Западного фронта. Раненых перевезли в Минск и разместили уже в качестве военнопленных в приспособленном под лазарет здании Политехнического института. В незавидном положении пленных оказались и раненые советские воины, находившиеся на излечении в медицинских учреждениях Минска в дни обороны города, которых не успели эвакуировать. Оккупанты на время сохранили эти лазареты в городках 1-й и 2-й Советских больниц (ныне клиники № 3 на улице Ленина и № 2 на улице М. Богдановича), в 3-й Советской (инфекционной) больнице, казармах по Логойскому тракту. Конечно, ни о каком полноценном лечении раненых пленных не могло быть и речи. Чуть подлечившихся ждал концлагерь: сначала во временном лагере в Дроздах, а затем в стационарном – в Масюковщине. Через Дрозды за две недели существования этого лагеря было пропущено с целью выявления нежелательных для оккупантов элементов практически всё мужское население Минска. Там сложили голову более 10 тысяч военнопленных и гражданских лиц. Так что жители города знали о фашистской неволе не понаслышке. В первые месяцы оккупации немцы еще разрешали местным жителям подкармливать пленных, а если обнаруживались родственники, то и на волю иногда отпускали – понятно, не безвозмездно. Многие минчанки часто тогда ходили в Дрозды, надеясь найти там мужа, брата, сына...

⁸⁸ Барановский Е.И. Минское антифашистское подполье: на перекрестке концепций. – Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы: Матэр. “круглага стала”. Мінск, 2005, с. 54.

⁸⁹ Сообщение об этом было в печати: Звезда. 26.IV.1938.

В начале июля в квартиру Щербацевичей постучал незнакомый мальчишка с запиской от брата Ивана, который сообщил, что находится в плену в бедственном положении. Записку с адресом выбросили из колонны военнопленных, которых бесконечным потоком гнали в те дни по центральной улице Минска – Советской. Сестры долго разыскивали Ивана в Дроздах, в лазаретах для пленных, но не обнаружили никаких следов. Судьба красноармейца И. Янушкевича так и осталась неизвестной⁹⁰.

Возможно, пытаясь найти брата, О. Щербацевич впервые почувствовала, что может чем-то помочь – если не ему, то таким же, как он измученным, беспомощным, униженным. Продолжая работать в больнице, она ухаживала за ранеными пленными, в чем ей помогали члены семьи. Эти люди были не одиноки. Большинство медработников Минска осталось рядом с ранеными, другие вынуждены были вернуться на рабочие места, повинаясь распоряжению оккупационных властей. Многие минчане, отрывая от себя, приносили в лазареты продукты, лекарства. Все они понимали, какая опасность грозит выздоравливающим пленным, особенно из числа политработников и евреев, которых немцы истребляли в первую очередь. Нужно было попытаться снабдить их новыми документами, штатской одеждой, вывести из лазаретов и обеспечить жильем.

В июле 1941 г. в Минске уже действовали несколько групп, занимавшихся этим смертельно опасным делом. Остались неизвестными их число и количество спасенных ими людей, однако документы свидетельствуют, что подобная начальная форма подпольной работы носила массовый характер. Сегодня мы говорим об участниках этих групп как о первых подпольщиках, но сами они тогда себя так не называли. Это были простые горожане, искренние патриоты, которыми двигало чувство глубокого сострадания к людям, попавшим в еще большую беду, чем они сами. Названные обстоятельства отодвигали на второй план личные горести и обиды, как в случае с О.Ф. Щербацевич, имевшей статус жены “врага народа”. Возможно, эти люди даже не считали, что делают что-то особенное. Начинали такие группы порознь, позже судьба свела некоторые из них.

О.Ф. Щербацевич и медсестры инфекционной больницы А.В. Петуховская и М.А. Заровская познакомились через двоюродную сестру Ольги П. Анодину с медиками из 1-й Советской больницы, которые доставали фальшивые медицинские справки и укрывали раненых военных среди гражданских больных. Начали делать запасы мужской штатской одежды, искать надежных людей, которые согласились бы спрятать у себя на квартирах выведенных из лазаретов военнопленных. П. Анодина приносила на квартиру О. Щербацевич бинты, вату, лекарства, больничную похлебку в бидончике. Лекарства добывали также на фармакологическом складе разрушенного здания Медицинского института. Н. Янушкевич доставала накладные на получение муки на хлебозаводе, во дворе ее дома, в подземном схроне сарая, складировали одежду, которую Володя Щербацевич собирал у родственников и знакомых. Работавший шофером муж Надежды Н. Кузнецов держал наготове грузовик для вывоза военных из города.

Одной из самых больших проблем было обеспечение пленных надежными документами. Помог случай. Через своего сослуживца доктора Попова Щербацевич в начале августа 1941 г. установила связь с В.Н. Одинцовым, который уже имел некоторый опыт в деле спасения военнопленных. Его товарищ – Ободовский, бывший начальник паспортного стола 4-го отделения милиции Минска, сохранил у себя печать и бланки паспортов. Одинцов, Ободовский, две девушки – Клава и Валя, называвшие себя “Тростенецкой группой комсомола”, обеспечивали раненых пленных одеждой, документами, размещали по квартирам. После знакомства с группой Щербацевич начали действовать сообща. В инфекционную больницу и лазарет в Политехническом институте тайно передали Володин фотоаппарат “Фотокор”. Пленные, готовившиеся к побегу, были сфотографированы для новых документов. Снимки печатались на квартире у Щербацевичей.

⁹⁰ Михневич Е. Мои сестры. – Сквозь огонь и смерть. Минск, 1970, с. 31.

Для более организованного вывода людей нужны были новые связи. В начале августа 1941 г. О. Щербацевич познакомилась через общую знакомую П. Радзевич с рабочими вагоноремонтного завода К.И. Трусом и Е.В. Снежковым. Последний до войны работал в Брестском горкоме комсомола, ему с семьей удалось уйти из горящего города и добраться до Минска. В одном из разрушенных зданий Снежков обнаружил трудовую книжку на фамилию Волощук, на которую и выправил себе новые документы, а Трус помог устроиться на завод. Трус и Снежков подобрали на заводе верных людей, в их подпольную группу входили Ермолинский, Шульга, Шашкин, Беляев, Наркевич, Ковалёв, Филипенко, Хлебцевич, Вербило и другие – всего 30 человек. Они выводили из строя оборудование, похищали запчасти, писали и распространяли антифашистские листовки. Решено было совместно с группой Щербацевич готовить всё необходимое для отправки военнослужащих за пределы Минска.

В послевоенных воспоминаниях В.Н. Одинцов сообщил, что совместными усилиями, с помощью бывшего военврача 5-го стрелкового корпуса Писаренко, работавшего в лазарете Политехнического института, им удалось вывести из инфекционной больницы и лазарета 18 человек, обеспечить их паспортами и пропиской в немецкой полиции. Спасенных людей размещали на заранее определенных квартирах: в доме на Коммунистической – у Щербацевичей, у жившей этажом ниже З.П. Маркевич, у их соседки Е. Островской – до войны работницы одного из швейных ателье, а также у Н. Янушкевич на улице Октябрьской, у Е. Макейчик, проживавшей в Типографском переулке, семьи Борсук на Комаровке и других. Писаренко оказывал раненым медицинскую помощь на квартирах. По некоторым данным, операции раненым в квартире О. Щербацевич делал и известный минский медик проф. Е.В. Клумов, член подпольной группы в 1-й Советской больнице, казненный оккупантами в марте 1944 г. и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза в 1965 г. Некоторые из спасенных военнослужащих так и осели в городе, другие вступили в ряды подполья, третьи стремились во что бы то ни стало вырваться из Минска, перейти линию фронта и вновь оказаться в действующей армии. Подлечившихся раненых переодевали в гражданскую одежду, снабжали документами и продуктами и отправляли на рынок, откуда они вместе с крестьянами выбирались из Минска. Иногда их выводил из города Володя Щербацевич.

По воспоминаниям Евгении Михневич, последнюю группу из лазарета, в которой были И.Н. Блажнов – помощник начальника политотдела 5-го стрелкового корпуса по комсомольской работе, Б.М. Рудзянко – техник-интендант 2-го ранга, шифровальщик штаба того же корпуса, Л. Зорин – комиссар танковой части и военнослужащий Левит, привел на квартиру О.Ф. Щербацевич в середине августа 1941 г. Писаренко⁹¹.

Вновь прибывших снабдили подложными документами. Так, И. Блажнов превратился в минчанина, служащего Григория Ивановича Савельева, который на самом деле умер в инфекционной больнице. Вскоре Трус принес на квартиру Щербацевичей радиоприемник, по которому стали слушать сводки Совинформбюро и записывать их в тетрадь. Блажнов вместе с Володей с помощью кусочков теста расклеивали листки со сводками на рынке.

Вывод из Минска этой последней группы закончился трагически. 11 сентября 1941 г. из города вышли в московском направлении 11 человек. Проводниками были Ольга Фёдоровна и Володя. То, что на этот раз мать и сын находились рядом, свидетельствует об их вероятном желании перейти линию фронта вместе с военными. Заранее были определены маршрут, пункты сбора, места ночлега. Двигались тремя группами, на расстоянии видимой связи. В первой находились О. Щербацевич, которая шла несколько впереди, разведывая дорогу, ее сын Володя и Рудзянко. Вторую группу составляли Блажнов, Зорин, военнослужащие Гребенников и Истомин. В третью входили Левит, Савицкий и два капитана, фамилии которых остались неизвестными. Благополучно миновав городскую черту, добрались до дер. Новый Двор. Вне-

⁹¹ Михневич Е. Указ. соч., с. 33.

запно немецкий большегрузный транспорт пересек дорогу, разделив группы. Когда он прошел, Блажнов и Зорин потеряли товарищей из виду и начали двигаться самостоятельно. Через какое-то время они услышали вдалеке выстрелы, поняли, что случилась беда, и вернулись в Минск, в дом на Коммунистической, куда через некоторое время пришла обессиленная Ольга Фёдоровна. Оказалось, она своими глазами видела, как возле дер. Драчково Смолевичского района были схвачены и расстреляны на месте Левит, Савицкий и оба капитана, а Володю и Рудзянку увезли в Минск. Дом на Коммунистической замер в тревожном ожидании. И, как оказалось, не напрасно. На допросе Рудзянку выдал людей, рисковавших жизнью ради его спасения. В середине октября нагрянули фашисты. Попытавшийся выскочить во двор Л. Зорин, был немедленно схвачен. Бежавшему следом за ним И. Блажнову повезло: соседка Ольги – З. Маркевич – перехватила его по дороге и втокнула в свою квартиру, где он спрятался под грудой висевшей одежды в большой кладовке, в которой не было света, Немец обшарил фонариком стены, но ничего подозрительного не заметил. В эту ночь арестовали О. Щербацевич, ее соседок по дому З. Маркевич и Е. Островскую и вместе с Л. Зориным увезли в тюрьму на улице Володарского. А в доме устроили засаду: жильцов сутки не выпускали из квартир, задерживали всех, кто входил в подъезды. Были схвачены и брат Ольги – Пётр, сестра Надежда с мужем Николаем Кузнецовым и крошечным ребенком, хозяйка одной из квартир по Типографскому переулку (в районе нынешней улицы Антоновской), где прятали пленных – Евгения Макейчик с дочерью, Кирилл Трус и другие патриоты. Снежкова спасло то, что в это время он в Минске отсутствовал, а по возвращении был вовремя предупрежден об опасности и сумел скрыться. Позднее он ушел в лес и встретил освобождение комиссаром партизанского отряда им. А.М. Василевского бригады им. П.К. Пономаренко Барановичской области⁹². Выправив себе новые документы, сумел избежать ареста и Одинцов. Со временем он также стал партизаном, начальником штаба отряда им. Г.К. Жукова бригады “Штурмовая” Минской области. Блажнова успели переправить на другую квартиру, в декабре 1941 г. он ушел в партизанский отряд “Мститель”, созданный минскими подпольщиками, позднее стал комиссаром отряда “Беларусь”, затем бригады “Беларусь” Минской области⁹³.

Против Маркевич немцам, вероятно, не удалось собрать достаточного количества улик, и она была выпущена на свободу. Поначалу отпустили и Островскую, но спустя день снова арестовали. Однако она успела оповестить оставшихся на воле товарищей о предательстве Рудзянку. Осталась на свободе младшая сестра Ольги Щербацевич – Евгения, которую предатель не знал. Рудзянку получил по заслугам: на его след вышли в 1951 г., судили и приговорили к высшей мере наказания.

О днях, проведенных патриотами в тюрьме, известно очень немного. Но и в воспоминаниях С.Е. Каминской, сидевшей в одной камере с арестованными женщинами, и, по показаниям бывшей надзирательницы тюрьмы М.А. Самохваловой, несмотря на жестокие пытки, они вели себя очень мужественно. Каминская попала в тюрьму случайно: в начале оккупации она пешком пришла в Минск из своей деревни Охотичи на Могилёвщине, чтобы разузнать о судьбе сестры и племянницы. Узнав, что они эвакуировались, женщина хотела взять что-либо из вещей, оставшихся в квартире сестры, но занявший квартиру человек задержал ее. Случилось так, что Каминская оказалась в одной камере с Щербацевич, ее сестрой Надеждой Янушкевич, Евгенией Островской и медсестрой по имени Анна. Женщина запомнила их рассказ о том, что в Минске действовала группа из 21 человека, куда входили Одинцов, Ольга Щербацевич с 15-летним сыном, ее сестра Надежда с мужем, их брат, Евгения Островская, медсестра Анна и другие. В камере после допросов Ольга Щербацевич истекала кровью, кроме того, она сильно беспокоилась за сына. Страшную трагедию пережила Надежда Янушкевич, на глазах которой изверги выбросили ее грудного ребенка из окна на камни тюремного

⁹² БГМИВОВ. Н/В 3576.

⁹³ Там же. КП-14584.

двора. По воспоминаниям Каминской, женщины, находившиеся вместе с ней в камере, просили тех, кто останется в живых, не забыть об их подпольной группе и рассказать, что их предал Рудзянко⁹⁴.

Казнь патриотов состоялась 26 октября 1941 г. Оккупанты решили сделать ее “показательной”, чтобы запугать минчан, лишить их воли к сопротивлению. Подобные массовые публичные казни советских граждан летом – осенью 1941 г. прошли также во многих городах оккупированной Украины.

Чтобы устрашающие акции увидело как можно больше людей, рассредоточили виселицы по разным районам Минска. Заготовили четыре большие фанерные доски с надписями по-немецки и по-русски: “Мы партизаны, стрелявшие по германским солдатам”. Сомнительная честь осуществить первую массовую публичную казнь в Минске выпала расквартированному здесь с первых чисел октября 1941 г. 2-му литовскому полицейскому батальону (в начале 1942 г. он был переименован в 12-й) под командованием А. Импулявичуса. Накануне полицейские получили приказ вычистить оружие и привести в полный порядок обмундирование. Воскресным утром 26 октября им было выдано по 300 г водки, затем батальон подошел к тюрьме на улице Володарского и выстроился в две шеренги. Со двора тюрьмы, через открывшиеся ворота, немецкая охрана вывела 12 заключенных, приговоренных к смерти: 8 мужчин и 4 женщин. Их разделили на четыре группы, в каждой из которых были двое мужчин и одна женщина. На груди женщин висели фанерные доски, лишь в одном случае веревка с доской была перекинута через шею мужчины. Заключенных со связанными за спиной руками повели по мостовой. Рядом шли немецкие офицеры, а по обеим сторонам, вдоль тротуаров, литовские полицейские. Свидетели этого трагического шествия вспоминают, что приговоренных вели под барабанный бой и лай сторожевых собак. Местные полицейские сгоняли всех оказавшихся рядом минчан к местам казней.

В первой группе шли Ольга Щербацевич, Кузнецов и мужчина в штатском, имя которого не выяснено. Их провели по улице Володарского, свернули на Советскую. Конечным пунктом был известный всем минчанам старинный сквер напротив Дома Красной Армии. Накануне войны в сквере начали ремонт летнего кафе, но успели соорудить лишь каркас ограждения, который палачи и превратили в виселицу. Обреченных подвели к ней, их окружила охрана. Обращаясь к согнанным в сквер минчанам, немецкий офицер через переводчика заявил, что всех непокорных ожидает такая же участь. Затем под ноги жертвам было поставлено нечто вроде небольшого столика, и казнь свершилась. Когда вешали Ольгу Фёдоровну, веревка оборвалась. По давней традиции в подобном случае осужденным даруется жизнь. Однако этого не случилось. Двое полицейских подхватили женщину, третий закрепил веревку.

Во второй группе обреченных на смерть находились Надежда Янушкевич, ее брат Пётр, а также политрук Зорин. По той же улице Володарского их вывели на улицу К. Маркса и остановились на пересечении ее с Комсомольской. Там, прямо на ветвях раскидистого дерева, их и повесили. Это место после войны было застроено, но определить его несложно – рядом находится здание Национального музея истории и культуры Белоруссии.

Последний путь третьей группы был более длинным. С улицы Володарского они вышли на улицу Ворошилова (ныне Октябрьская). Импровизированная виселица была сооружена на воротах проходной дрожже-паточной фабрики “Красная заря” (ныне Минский дрожжевой комбинат). Здесь казнили В. Щербацевича, К. Труса и девушку, имя которой до сих пор точно не установлено. Сорокалетний К. Трус оброс в тюрьме густой черной бородой и выглядел стариком. Девушка была очень измучена. Володя, которому, не забудем, было всего 15 лет, заплакал, когда палач затянул петлю на его шею.

Последняя казнь состоялась на Комаровской площади примерно в том месте, где сейчас возвышается левый корпус Полиграфического комбината. На телеграфных

⁹⁴ БГМИВОВ. Н/В 8308.

столбах, к которым была прибита перекладина, повесили Е. Островскую и двух неизвестных мужчин в военной форме.

Одна из рот литовского полицейского батальона охраняла виселицы в течение трех дней. Затем подогнали грузовую автомашину, сняли тела погибших, и машина уехала в неизвестном направлении. Девочка Аня, дочь К.И. Труса, все эти три дня буквально не отходила от места казни отца, чтобы узнать, где его похоронят. Попыталась бежать за машиной, но, обессилев, упала⁹⁵. Место захоронения 12 жертв первой массовой публичной казни в Минске осталось неизвестным. Возможно, это произошло на территории парка им. Челюскинцев, где после освобождения Минска обнаружили массовое захоронение. На эту мысль наводит уже приводившееся выше свидетельство минского подпольщика, затем партизана Р.М. Бромберга о том, что “расстреливают обычно за выставкой в лесу. Там разгружали тюрьму”⁹⁶.

В отчете от 10 ноября 1941 г. за период с 11 октября по 10 ноября военный комендант Генерального округа “Белоруссия” при Главном командовании Вермахта зафиксировал: “Против организаций, которые связаны с партизанами, были организованы успешные мероприятия, которые проводил отдел абвера в Минске совместно с ГФП (тайной полевой полицией. – *Авт.*). Для устрашения населения в Минске были публично повешены 12 человек, которые занимались подделкой паспортов, вербовали людей в партизаны, помогали военнопленным бежать”⁹⁷.

Однако есть все основания утверждать, что 26 октября 1941 г. в Минске было повешено гораздо больше людей, при этом не все они были участниками антифашистской подпольной борьбы (см. выше свидетельства Бромберга и Майзельс)⁹⁸.

В 1965 г. О.Ф. Щербацевич, К.И. Трус и Н.Ф. Янушкевич были посмертно награждены орденами Отечественной войны 1-й степени. В 1969 г. последовало посмертное награждение В.И. Щербацевича медалью “За боевые заслуги”. В 1976 г. установили мемориальные доски на местах казни в Центральном сквере и на здании дрожжевого комбината по улице Октябрьской, а в 1996 г. – на здании завода им. Г.К. Орджоникидзе по улице В. Хоружей в районе Комаровского рынка.

История их жизни и смерти имеет удивительное продолжение. Очевидцы вспоминают, что казни 26 октября оккупанты много фотографировали, причем находились любители и себя запечатлеть на фоне виселиц. Имеются косвенные доказательства, что эпизоды казней снимались также на киноплёнку. Так или иначе, но это уникальный в своем роде случай, когда одна карательная акция оказалась столь подробно фотодокументирована.

В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны хранится около 30 фотографий эпизодов казней 26 октября 1941 г. Не исключено, что обнаружатся и новые снимки. Ведь если первые из ныне известных поступили в музей еще в 1944 г., то последний – в 1996 г. К сожалению, пояснение к фотографиям 1944 г. до обидного скупо: “Куплены у фотографа Бунимовича”. На этих снимках были запечатлены три эпизода казни на Комаровке и по одному – в сквере и на улице К. Маркса. Примерно в это же время, 11 августа 1944 г., газета “Комсомольская правда” опубликовала несколько фотографий расправы фашистских оккупантов над жителями Минска, среди которых было два эпизода казни на дрожжевой фабрике. В кратком комментарии редакции сообщалось, что в период оккупации в Минске работало фотоателье, где “немецкие офицеры проявляли и печатали свои снимки. В руки бойцов, первыми ворвавшихся в Минск, попали десятки негативов, изображающих немецких палачей в их злодеяниях. Несколько таких снимков воины прислали в редакцию”⁹⁹.

⁹⁵ *Шейна-Трусова А.* Последняя встреча. – Сквозь огонь и смерть, с. 39.

⁹⁶ НАРБ, ф. 3500, оп. 11а, д. 8, л. 13об.

⁹⁷ НАРБ, ф. 4386, оп. 2, д. 57, л. 6–7.

⁹⁸ НАРБ, ф. 3500, оп. 11а, д. 8, л. 13об., 44об.

⁹⁹ Комсомольская правда. 11.VIII.1944.

В январе 1946 г. музей получил по почте небольшой пакет из посольства СССР в Польше. В сопроводительной записке атташе Костичкин сообщал, что сотрудник отдела тыла Краковского военного округа, подпоручик Войска Польского И. Армель передал в посольство подлинные фотографии, имеющие отношение к событиям 1941 г. в Минске. Снимки были найдены им в одном из домов города Зольдин. Надписи на обороте, сделанные простым карандашом на немецком языке, гласили: “Смертные приговоры, приведенные в исполнение на улицах Минска в 1941 г.” Две поступившие из Польши фотографии представили новые, ранее неизвестные подробности казней на Комаровке и на дрожжевой фабрике. Чудовищная деталь: на заборе рядом с повешенными виднелись афиши театральных спектаклей, в том числе оперетты “Запорожец за Дунаем” и “Большого концерта”, который, быть может, и состоялся в тот же воскресный вечер.

В то же время попавшие в Москву в 1944 г. негативы со столь выигрышными для разоблачения преступлений нацистов сюжетами, стали широко тиражироваться в печати и кинодокументалистике, воспроизводиться в многочисленных изданиях по истории Великой Отечественной войны. В музей некоторые из них стали поступать уже в виде копий. Из московской Военно-политической Академии, например, прислали жуткий по своему цинизму снимок немецкого солдата с фотоаппаратом в руках на фоне виселицы у Дома Красной Армии. Кстати, фотографирование казней было повальным “увлечением” оккупантов в начальный период войны. Дело закончилось тем, что в июле 1942 г. Главное оперативное управление СС издало приказ, категорически это запретивший за исключением случаев, связанных со служебной необходимостью. В приказе не отвергалась необходимость карательных акций, но подчеркивалась нежелательность их афиширования. Все ранее сделанные фотографии подлежали изъятию и уничтожению. Несмотря на строгий запрет, множество подобных жутких снимков, ставших впоследствии свидетельствами обвинения, сохранились.

Определенным этапом в расшифровке всех поступавших фотографий казней 26 октября стал 1950 год, когда из Каунасского военно-исторического музея прислали сразу семь негативов той же тематики. В этот музей они попали, вероятно, после завершения судебного процесса над военными преступниками из литовских националистических формирований, в том числе из упоминавшегося 2-го полицейского батальона. Снимки, изъятые у обвиняемых, фигурировали на процессе как неоспоримые доказательства. Все негативы были очень хорошего качества, что позволило, наконец, точно установить личности некоторых погибших и места их казней. Свидетелей обнаружилось достаточно, что было неудивительно: в послевоенном Минске, где еще были так свежи раны потерь, экспозиция музея, рассказывающая о злодеяниях оккупантов, пользовалась особым вниманием. Е. Михневич опознала на фотографиях сестер, брата, зятя и племянника. А.В. Трус и ее дочь – мужа и отца. Опознали также Л. Зорина, позднее – Е. Островскую. Свидетельства ближайших родственников подтвердили соседи, сослуживцы, товарищи погибших по совместной патриотической деятельности.

К сожалению, за эти годы имена мужчин, повешенных на Комаровке рядом с Е. Островской, не назывались даже предположительно. Уверенно можно утверждать только одно: судя по облику и одежде, они были из числа советских военных, которых патриоты пытались спасти от концлагеря. Если их имена и были кому-то известны, то лишь погибшим подпольщикам.

Единственным свидетельством относительно личности мужчины, казненного в сквере вместе с О.Ф. Щербацевич и Н. Кузнецовым, является заявление сестры Ольги Фёдоровны – Е. Михневич, которая знала этого мужчину как некоего “Фильку”, работавшего по заданию подпольщиков в полиции¹⁰⁰. Если это так, то вполне объяснимо, почему не объявились после войны его родственники и знакомые: никому не хотелось афишировать свои связи с полицейским, пусть даже связанным с подпольем и за это казненным.

¹⁰⁰ Михневич Б. Указ. соч., с. 35.

Что касается имени девушки, погибшей вместе с К. Трусом и В. Щербацевичем, версий выдвигалось несколько, но все они не нашли безоговорочного подтверждения. Первое предположение появилось в 1961 г. Фотографию казни на дрожжевой фабрике, опубликованную в только что вышедшем 2-м томе “Истории Великой Отечественной войны”, увидела жительница г. Жданова (ныне – Мариуполь) Н.К. Шарлай. В ноябре 1961 г. женщина обратилась с письмом в Белгосмузей истории Великой Отечественной войны, в котором утверждала, что она и ее мать узнали на снимке свою сестру и дочь – Тамару Кондратьевну Горобец, 1924 г. рождения, уроженку г. Полтава, которая накануне войны работала машинисткой Полтавского областного управления НКГБ СССР. 27 июня 1941 г. она была мобилизована и выехала на Гомельское направление. Мать и сестра написали, что опознали на фотографии даже платье Тамары, в котором ее проводили в военкомат. Первое и последнее письмо от нее родные получили 13 сентября 1941 г., в то время она служила машинисткой в штабе Брянского фронта. Дальнейшая судьба Т.К. Горобец осталась неизвестной. В Минск прислали три довоенные фотографии Тамары. На первый взгляд это было одно лицо с повешенной девушкой, экспертиза научно-технического отдела Управления милиции МВД БССР от 29 декабря 1961 г. установила совпадения по форме лица, высоте лба и некоторым другим параметрам, однако выявила также различия в ширине переносицы и форме бровей, вследствие чего заключила, что “придти к какому-либо выводу, Горобец ли это или другая девушка, не представляется возможным”. Позднее, в ходе расследования, проведенного в 1972 г. 4-м отделением 2-го управления КГБ БССР, было установлено, что делопроизводитель Особого отдела одного из авиационных соединений Т.К. Горобец была тяжело ранена и в июле 1942 г. находилась в одном из госпиталей Воронежской области, пропала без вести именно в этот период¹⁰¹.

В начале 1968 г. возникла новая версия. Московский кинодокументалист Л. Аркадьев при посещении Белгосмузея истории Великой Отечественной войны в Минске обратил внимание на фотографию казни неизвестной девушки. Вместе со своими коллегами он провел самостоятельное расследование. Журналисты пришли к быстрому и однозначному выводу, что на снимке – выпускница 28-й минской школы Мария Борисовна Брускина, которая участвовала в деятельности антифашистского подполья. Подлинной довоенной фотографии этой девушки не нашли. Обнаружили лишь номер газеты “Піянер Беларусі” от 17 декабря 1938 г., где был опубликован портрет Маши как отличницы учебы и активистки школьной жизни. Однако эксперты не смогли подтвердить сходство М. Брускиной и неизвестной девушки.

В 1971–1972 гг. по заданию ЦК КПБ кропотливую работу по установлению имени казненной девушки проделали сотрудники 4-го отделения 2-го управления КГБ БССР, архивов КГБ БССР и Института истории партии при ЦК КПБ (в то время именно там хранились все документы по истории минского подполья), Белгосмузея истории Великой Отечественной войны.

В результате исследований было сделано заключение, что казненной девушкой является медицинская сестра военного госпиталя по имени Анна, 22–24 лет, уроженка Московской области или других центральных районов России, казненная в Минске в октябре – ноябре 1941 г. Более подробных сведений о ней обнаружить не удалось¹⁰².

В ходе работы, на фотографиях казни в районе Комаровского рынка Блажнов опознал Е. Островскую, помогавшую О. Щербацевичу спасать и прятать раненых командиров Красной Армии¹⁰³.

Следующий этап исследования вопроса относится к 1987 г., когда ЦК КПБ создал квалифицированную комиссию из специалистов Института истории партии при ЦК КПБ, Института истории Академии Наук БССР и Белгосмузея истории Великой Отечественной войны. Комиссия вновь тщательно изучила архивы Института исто-

¹⁰¹ НАРБ, ф. 4383, оп. 2, д. 17, л. 8–9, 15–18.

¹⁰² Там же, л. 15–18.

¹⁰³ Там же, л. 53.

рии партии, КГБ БССР и КГБ Литовской ССР (поскольку в казни принимал участие литовский полицейский батальон), фонды музея, вновь опросила десятки участников подпольной борьбы и очевидцев событий. По результатам работы комиссии была составлена обстоятельная справка и сделаны публикации в печати. К сожалению, имена казненных девушки и троих мужчин пока так и не установлены.

В конце 1980-х годов жительница дер. Новые Зеленки Червенского района признала в девушке свою родственницу – Александру Васильевну Линевиц. Сотрудники музея, известный белорусский историк К.И. Доморад не раз выезжали в эту деревню, опрашивали местных жителей. Удалось выяснить, что незадолго до войны А.В. Линевиц переехала в Минск, обучилась швейному делу и работала портнихой. Есть данные, что в первые недели войны она поселилась в доме на Коммунистической. Это достаточно правдоподобно: по воспоминаниям, здесь пустовало много квартир жильцов, уехавших в эвакуацию или перебравшихся к родным в деревни, квартиры занимались незнакомыми людьми, дома которых сгорели. Кроме того, портнихой была и Е. Островская – возможно, женщины до войны были знакомы. О том, что Шура Линевиц работала в подполье и была повешена в Минске, в ее родной деревне узнали в начале 1942 г. Не случайно имя девушки значится на местном памятнике погибшим землякам. Как объяснили ее родственники и соседи, все эти годы они и представить не могли, что где-то она считается неизвестной. К сожалению, отсутствует довоенная фотография Линевиц. Сохранился лишь один групповой снимок плохого качества, где она сфотографирована ребенком.

Фотографии, запечатлевшие трагические события 26 октября 1941 г., продолжали поступать в музей из архивов Польши, Германии, музеев, от частных лиц. В 1991 г. три новых снимка прибыли из Одессы от бывшего советского офицера, нашедшего фотографии во время войны у убитого немца.

В 1992 г. в составе группы немецких туристов музей посетил журналист из Берлина К. Вафнер. Оказалось, что летом – осенью 1941 г. он находился в Минске в составе оккупационных войск и, будучи большим фотолюбителем, сделал множество фотографий Минска и его окрестностей. Некоторые негативы К. Вафнер передал музею. Видимо, молодой тогда ефрейтор не затруднял себя выбором объектов съемки: фотографировал своих товарищей, торговые ряды на рынке, оборванных минских мальчишек... Походя запечатлел и виселицу в Центральном сквере.

В 1996 г. неизвестная ранее фотография казни в Центральном сквере была обнаружена в немецком военном журнале “Сигнал” в библиотеке Свободного университета Берлина. Похоже, в этой истории рано ставить точку...

Таким образом, вторая половина 1941 г. стала временем зарождения, первых шагов партизанской и подпольной антифашистской борьбы в Белоруссии. Более организованно сопротивление врагу налаживалось в восточно-белорусских регионах. Здесь у партийно-государственных органов БССР и военных структур было время для его подготовки, сказывался сложившийся за 20 лет советский менталитет населения, особенно молодежи, острее ощущались духовная близость со сражающимися на фронте советскими войсками и поддержка советского тыла.

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА В ДРУГИХ РАЙОНАХ БЕЛОРУССИИ

Сложнее ситуация была в Западной Белоруссии. Вот как характеризует В.В. Калюта обстановку здесь в начале войны: “Значительная часть населения... поддерживала первые социалистические преобразования. Вместе с тем, в ходе их осуществления были допущены серьезные ошибки, которые впоследствии отрицательно сказались на становлении и развитии борьбы на оккупированной территории. Мотивируя необходимость очистить край от буржуазных элементов, “врагов народа” сталинским

лозунгом обострения классовой борьбы, тысячи коренных жителей были депортированы в глубь страны... Среди них оказалось немало участников революционного движения в буржуазной Польше, бывших членов Компартии Западной Белоруссии и Компартии Польши, комсомола”¹⁰⁴. После сентября 1939 г. все ключевые посты в западных областях БССР в основном заняли так называемые “восточники”, лица, направленные из восточных регионов республики. Большинство из них на руководящих должностях оказались впервые и за короткий срок не сумели изучить местную специфику, что приводило нередко к серьезным ошибкам. Такая ситуация зачастую порождала недовольство у местного населения, приводила к дискредитации советской власти. Архивные документы и другие источники показывают, что в результате этого с началом фашистской оккупации здесь имели место случаи, когда местные жители оказывали поддержку немецким властям в выявлении советских активистов. Местные противники советского мироустройства явились социальной опорой “нового порядка” в Западной Белоруссии, в немалом числе вошли во вспомогательный коллаборационистский управленческий аппарат. По спискам, составленным людьми из этой среды, гитлеровцы выявили и уничтожили большое число антифашистов, сторонников СССР, что отрицательно сказалось на организации сопротивления¹⁰⁵.

Уже в 1941 г. антифашистская борьба в Белоруссии была ознаменована рядом эффективных ударов по врагу. На фоне очень сложной и тяжелой военной ситуации для советской стороны это воодушевляло партизан и подпольщиков, да и большую часть населения.

О том, как обстояло дело с партизанским движением в тех краях летом 1941 г., можно узнать из докладной от 5 августа 1941 г. секретаря ЦК ЛКСМБ М.В. Зимянина в ЦК КП(б)Б: “Будучи в Полесской области, я познакомился с работой партизанских отрядов Паричского и Октябрьского районов. Считаю необходимым сообщить следующее: 1. Паричский партизанский... отряд... базируется в дер. Шатилки Паричского района. За последнее время серьезной боевой деятельности не ведет, за исключением разведывательной работы – несистематической и на небольшом участке. Между тем отряд, который насчитывает 120 человек, мог бы быть серьезным подспорьем для регулярных частей Красной Армии... К сожалению, кроме эпизодической помощи разведчикам, части никакой помощи от... отряда не получали... В Паричском районе много дезертиров в лесах, вылавливание их организовано слабо. В селах, в которые мы приезжали, никакой политической работы не проводилось... Свои замечания своему к следующему: нетерпима выжидательная тактика отряда в дальнейшем, нетерпимо положение, когда десятки людей отряда неделями бездельничают в такой ответственный момент... 2. Октябрьский партизанский отряд – секретарь РК КП(б)Б тов. Бумажков – представляет прямо противоположную картину... Отряд т. Бумажкова на реке Птичь в течение 9 дней удерживал фашистские части, дожидаясь подхода частей Красной Армии... Эту борьбу партизан нельзя не назвать героической”¹⁰⁶. За месяц боев партизаны Октябрьского района Полесской области под руководством Т.П. Бумажкова и Ф.И. Павловского подорвали несколько железнодорожных и шоссежных мостов, провели до десятка успешных боев, подбили 18 немецких танков и бронемашин, уничтожили большое количество другой техники и живой силы фашистов, захватили ценные немецкие штабные документы¹⁰⁷. В августе 1941 г. удостоенный за партизанскую деятельность звания Героя Советского Союза Т.П. Бумажков был направлен на Юго-Западный фронт начальником политотдела войскового корпуса. Как

¹⁰⁴ *Калюта В.В.* О некоторых особенностях становления антифашистского подполья в западных областях Белоруссии в период Великой Отечественной войны. – Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі, вып. 1. Мінск, 1992, с. 201.

¹⁰⁵ 1941 год. Трагическое и героическое, с. 170, 173.

¹⁰⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 65, л. 52.

¹⁰⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2. М., 1961, с. 131.

политработник, командир в тяжелых боях он проявил себя с наилучшей стороны, в том числе и в условиях вражеского окружения, прорыва из него. В свой последний день жизни (Т.П. Бумажков погиб 23 сентября 1941 г. около села Оржица в Полтавской области), по рассказам очевидцев, он четыре раза водил полк, оставшийся с ним, в атаку, пытаясь прорваться. Его убило в результате разрыва снаряда¹⁰⁸.

Существенные боевые достижения имелись в первые месяцы войны у партизан, подпольщиков и других регионов Белоруссии. Так, 11 июля 1941 г. партизанский отряд под командованием секретаря Речицкого РК КП(б)Б Гомельской области А.И. Кутейникова вместе с подразделениями Красной Армии на некоторое время выбил гитлеровцев из райцентра Паричи¹⁰⁹. Подпольщики Гомеля 4 ноября 1941 г. взорвали немецкий ресторан. В результате погибли десятки фашистских офицеров. На юге Минской области летом 1941 г. успешно действовал Краснослободской партизанский отряд под командованием секретаря РК КП(б)Б М. И. Жуковского. В конце июля 1941 г. разведка отряда установила, что основные силы немецкого гарнизона в Слуцке на некоторое время оставили город. Отряд ворвался в Слуцк, в скоротечном бою разгромил комендатуру, вывел из строя телеграф, освободил большую группу советских военнопленных, раздал населению продукты со складов. Вскоре после этого отряд совершил налет на райцентр Красная Слобода, разгромив в нем вражеский гарнизон. Командир отряда М.И. Жуковский за эти и другие героические дела в августе 1941 г. был награжден орденом Ленина. Еще один райцентр на юге Минской области, Любань, захватили партизаны отрядов А.И. Далидовича и А.И. Патрина в ночь на 7 ноября 1941 г. Бой в Любани длился около двух часов. Партизаны полностью разгромили гарнизон противника, уничтожили около 40 гитлеровцев и полицейских, захватили большие трофеи.

Партизаны громили в 1941 г. вражеские гарнизоны и на севере Белоруссии. 5 сентября 1941 г., например, местные партизанские отряды А.К. Стельмаха и И.Ф. Беляева совершили нападение на райцентр Богушевск Витебской области. Группа прикрытия сдерживала фашистов, которые на четырех машинах прибыли по шоссе на помощь своим. В самом райцентре партизаны забросали гранатами помещения, где находились гитлеровцы, многих уничтожили, разгромили городскую управу, сожгли две автомашины и отошли, захватив трофеи и ценные вражеские документы.

В соседнем Оршанском районе в 1941 г. действовали подпольщики прославленной организации К.С. Заслонова. К февралю 1942 г. оршанские патриоты пустили под откос 6 немецких эшелонов, вывели из строя около 170 паровозов, дизельную электростанцию, взорвали несколько складов, уничтожили около 400 солдат и офицеров врага.

Активная борьба партизан против оккупантов, захват ряда населенных пунктов, наступательная тактика в отдельных местностях уже осенью 1941 г. – в начале 1942 г. привели к зарождению первых белорусских партизанских зон – Октябрьской, Любанской, Кличевской.

Широкий размах развернувшейся уже в 1941 г. в Белоруссии народной войны против германских войск отмечался и немецкой стороной. Уже в июле 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер отмечал, что немецким войскам “серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района”¹¹⁰. Со своей стороны командующий войсками вермахта в рейхскомиссариате “Остланд” 14 сентября 1941 г. сообщал рейхскомиссару Х. Лозе: “Белоруссия еще не может рассматриваться нами как усмиренная страна. В настоящее время мы не располагаем дополнительными войсковыми частями, поэтому со всей остротой встает вопрос о быстрейшем привлечении эсесовских и полицейских сил”¹¹¹. Начальник штаба глав-

¹⁰⁸ БГМИВОВ. КП-14038; н/в 21452–21455.

¹⁰⁹ Гісторыя Беларускай ССР, т. 4. Мінск, 1975, с. 173.

¹¹⁰ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, с. 71.

¹¹¹ НАРБ, ф. 655, оп. 1, д. 1, л. 23.

нокомандования вермахта фельдмаршал В. Кейтель в своем приказе от 16 сентября 1941 г. говорил прямо о наличии в оккупированных областях “организованной партизанской войны”, которую следует подавить самыми крутыми мерами¹¹².

Вот свидетельство уже в августе 1941 г. одного из солдат 747-го немецкого полка, участвовавшего в карательных акциях в Минской области: “Самое опасное – это партизаны. Они хуже, чем фронт, так как русские хорошо обучены в этом отношении... Многие из моих товарищей погибли от их рук. Это ужасно... Немецкие солдаты всё больше убеждаются в том, что против нас борется весь народ”¹¹³.

* * *

История борьбы с фашизмом в Белоруссии полна примеров массового героизма, самоотверженности, высокого взлета человеческого духа, чести и достоинства. Победа была одержана в первую очередь усилиями людей именно такой настроенности души и ума. Людьми, воспитанными в духе патриотизма. В подавляющем большинстве эти люди, по своему мировосприятию были советскими, глубоко убежденными в том, что они защищают не только родную землю, Отечество, но и новое общество, как они считали, – общество социальной справедливости, равенства и больших возможностей для всех. Несмотря на всю сложность, неоднозначность советского пути, многие из них верили в новую будущность Белоруссии в составе СССР.

¹¹² Преступные цели – преступные средства. М., 1968, с. 89.

¹¹³ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, т. 1. Минск, 1983, с. 152.